

Огнева
Алиса

Трещины в куполе

Академия У

ТЕНЬ ОБЕТА

Алиса Огнева

Академия и тень обета

«Литнет»

2026

Огнева А.

Академия и тень обета / А. Огнева — «Литнет», 2026

Я дала себе обещание: на балу перестану быть серой мышью. Хотя бы на один вечер. Но судьба распорядилась иначе — вместо танца с мечтой я столкнулась с ним. Тёмным, чужим, тем, кого все избегают. Мой случайный порыв сердца разбудил древнюю магию и расколол небо над академией. Теперь за нами охотятся, мир на грани катастрофы, а единственный, кто может помочь, — это тот, кому нельзя доверять. Или... тот, ради кого я готова рискнуть всем. Моя история — о связях, которые сильнее страха, и об обещаниях, которые меняют судьбы.

© Огнева А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: ОБЕЩАНИЕ, ДАННОЕ СЕБЕ	5
ГЛАВА 2: ХРОНИКИ ОБЕТОВАННЫХ	11
ГЛАВА 3: БАЛ ВНЕ ВРЕМЕНИ	17
ГЛАВА 4: ПОСЛЕДСТВИЯ	23
ГЛАВА 5: ПОИСК И ОБРЕТЕНИЕ	28
ГЛАВА 6: ИСПОВЕДЬ СТРАЖА	34
ГЛАВА 7: НЕУКЛЮЖИЕ СОЮЗНИКИ	39
ГЛАВА 8: СЛЕДЫ ДРЕВНИХ	44
ГЛАВА 9: КАРТА РАЗЛОМА	50
ГЛАВУ 10: ПОДГОТОВКА К ПУТЕШЕСТВИЮ	56
ГЛАВА 11: НАЧАЛО ПУТИ И ТРЕВОГА	62
ГЛАВА 12: ТЕНИ ПРОШЛОГО	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

ГЛАВА 1: ОБЕЩАНИЕ, ДАННОЕ СЕБЕ

Солнечный луч ударил прямо в глаза. Я зажмурилась, отвернулась к стене, но было поздно. Сон сбежал. Мысли прояснились мгновенно. Сегодня Бал. Я села на кровати, потерла лицо ладонями. Кожа была теплой от сна, воздух в комнате прохладным. Пахло деревом, пылью старых книг и мятой из мешочка под подушкой. Встала, босые ноги коснулись шершавых досок пола. Потянулась так, что хрустнули позвонки.

Комната моя в «Доме Корней» была маленькой, но своей. Узкая кровать, письменный стол у окна, заваленный свитками, полка с книгами. На подоконнике стоял глиняный горшок с папоротником. Он упрямо зеленел, несмотря на мои забывания его полить. Ну, Лиара, день Х. Весь год ждала этого бала. Не ударить в грязь лицом. Хотя бы не споткнуться на паркете.

Я открыла створку комода. Там лежала моя форма. Серо-стальной камзол и юбка. Надевала ее тысячу раз, но сегодня пальцы слегка дрожали. Ткань пахла мылом и солнцем. Застегнула пуговицы на кителе, поправила воротник. Отражение в зеркале показывало девушку с растрепанными каштановыми кудрями и слишком серьезными глазами. Серьезными? Нет. Напуганными. Соберись.

На спинке стула лежал шарф. Шелковый, алый. Цвет моего факультета — Сердечных Узлов. Я взяла его в руки. Шелк скользнул между пальцами, прохладный. Обвила шарф вокруг шеи, завязала узел. Алое пятно на сером фоне казалось криком. Вот и весь я — серая мышь с алым бантом. Но сегодня мышь должна перестать быть серой. Обещаю себе. Сегодня я не буду сидеть у стенки. Сегодня я сделаю что-то. Хотя бы попробую заговорить с кем-нибудь интересным. Не с однокурсником, который только о магических коэффициентах и может говорить. А с кем-то... с кем-то другим.

Меня передернуло от собственной дерзости. Пальцы сами потянулись к непослушным волосам. Ну уж нет. Сегодня они будут лежать смирно. Я схватила щетку и принялась яростно сражаться с собственной шевелюрой. Волосы сопротивлялись, цеплялись за зубья, выбивались из-под пальцев. Через десять минут я сдалась, заплела их в быструю косу и обвила вокруг головы, спрятав самые упрямые пряди. Теперь я выглядела как прилежная адептка. Немного строговато, но сойдет.

Взгляд упал на стол. Среди бумаг валялся небольшой блокнотик в кожаной обложке — мой дневник. Я открыла его на последней странице. Там была дата вчерашнего дня и строчка: «Завтра все изменится. Чувствую». Я фыркнула. Какая наивная. Но что-то же заставляло меня написать это. Не просто надежда. Что-то в воздухе. Как перед грозой, только без тяжести. Ожидание.

Я прикоснулась к алым концам шарфа, свисавшим на грудь. Мой талисман. Мое обещание самой себе быть смелее. Сегодня должно случиться что-то важное. Я чувствую кожей, кончиками пальцев, этим глупым, вечно надеющимся сердцем. Может, я встречу свою судьбу? Нет, это уже слишком пафосно. Может, просто получу пятерку на лекции. Или столкнусь с кем-нибудь в столовой и пролью на него суп. С моей-то удачей.

Я вздохнула, закрыла дневник и сунула его в ящик стола. Пора. Завтрак, потом лекции, а вечером... вечером Бал. Я еще раз посмотрела в зеркало. Девушка с тугой прической и алым шарфом смотрела на меня выжидающе.

— Ладно, — сказала я ей вслух. — Идем. Обещание есть обещание.

Я повернулась, взяла с кровати небольшую сумку для книг и вышла из комнаты, стараясь не оборачиваться. Предчувствие шло за мной по пятам, тихое, но неотступное.

Лестница скрипела под ногами. Спускаясь, я уже слышала гул голосов и звон посуды. Запахи ворвались в ноздри волной: жареный хлеб с корицей, парное молоко, дымок от очага,

пряные травы. В столовой было шумно, тесно и по-домашнему уютно. Длинные дубовые столы ломились от еды и людей.

Я протиснулась между спинами, извиняясь, к нашему привычному столу у большого камина. Там уже кипела своя, знакомая жизнь.

— Кто так хлеб режет? Это же варварство! — гремел голос, перекрывая общий гул. Это была Фейра. Она стояла, загораживая собой часть стола, и с выражением глубочайшего презрения смотрела на ломоть хлеба в руках у первокурсницы. Ее медные, коротко остриженные волосы торчали вихрами, лицо с веснушками пылало негодованием. — Смотри сюда! Ровный срез! Угол девяносто градусов! Эстетика, понимаешь? Без эстетики и магия не работает!

Она выхватила нож из рук ошеломленной девушки и одним точным движением отрезала идеальный ломоть. Первокурсница покорно кивнула и сжалась. Фейра удовлетворенно хмыкнула и плюхнулась на свое место.

Рядом, вполоборота от общего шума, сидела Элис. Она почти уткнулась носом в глиняный горшок с маленьким ростком, ее длинная светлая коса, словно золотистая веревка, лежала на столе. Она что-то шептала, и я поймала обрывки.

— ...не бойся, они шумные, но добрые. Солнышко сегодня ласковое, пить дадим вволю...

Я плюхнулась на скамью прямо напротив Тэсс. Та не обращала внимания на суету, ее темные, собранные в безупречно тугий пучок волосы не шелохнулись. Она держала руку соседки по столу и внимательно изучала синеватое пятно на запястье.

— Ушиб, — констатировала Тэсс голосом, не терпящим возражений. Ее синие глаза, точные и холодные, скользнули по лицу соседки. — Приложи лед из погреба. И не ной. И завтракай как следует. Белок нужен для регенерации, а не эти булочки.

Соседка, рыжеволосая девица с факультета Травничества, покраснела и кивнула.

— Доброе утро, солнечные мои, — сказала я, наливая себе из глиняного кувшина травяной чай. Он пах мятой и чем-то кисловатым.

Меня встретили обрывками внимания. Фейра бросила короткий взгляд.

— А, Лиара. Твоя очередь дежурить по кухне в субботу. Не забудь. А то в прошлый раз ты проспала.

— Не проспала, — возразила я, отламывая кусок хлеба. — Меня Лорэн запер в архиве, потому что я неправильно произнесла пароль на древне-арканийском. Это саботаж.

— Всегда у тебя отговорки, — проворчала Фейра, но в углу ее рта дрогнула усмешка.

Тэсс отпустила руку соседки и взяла свою чашку.

— Как самочувствие? — спросила она меня, не глядя. Ее тон был ровным, профессиональным.

— Нормально. Волнуюсь, конечно. Бал же.

— Волнение — это нормальная физиологическая реакция на стрессовую ситуацию. Контролируй дыхание. И не наедайся сладкого перед выходом, будет тошнить.

— Спасибо за совет, — сказала я, и мы обе улыбнулись. Улыбка Тэсс была короткой, как вспышка, но настоящей.

Элис наконец оторвалась от своего ростка и повернулась ко мне. Ее серые глаза были рассеянными, будто она все еще видела что-то далекое.

— Он сегодня говорит о дожде, — тихо сообщила она. — О далеком, теплом дожде. Интересно, откуда он знает?

— Может, слышал, — сказала я, не зная, что ответить. С Элис всегда так — она жила в своем мире, где растения говорили, а земля пела. Мне это нравилось, но и немного пугало. Я-то могла только чувствовать смутное «нравится-не нравится» от вещей, а она вела беседы.

Я наблюдала за ними, за этими тремя. Фейра, которая наводила порядок в хаосе мира. Тэсс, которая чинила его, как сломанный механизм. Элис, которая слушала его тихую музыку.

Они были такими... настоящими. Занятыми своим делом. Уверенными в своей, земной, магии. А я? Я училась плести узлы из чувств и обещаний. Воздушная, несерьезная. «Звездница» среди «земных», как кто-то обмолвился как-то. Но они приняли меня. Не до конца, может быть. Но приняли.

Фейра вдруг толкнула меня локтем.

— Чего задумалась? Ешь. Сегодня будет долгий день, а на балу с голодным урчанием в животе только смеяться будут.

— Да я ем, — сказала я, откусывая хлеб. Он был теплым, хрустящим, с вкусом зерна и печи.

Завтрак продолжался в том же духе. Фейра критиковала расположение тарелок на столе, Тэсс давала еще паре адептов краткие медицинские консультации, Элис тихо делилась с нами наблюдениями о том, как свет падает на ее росток. Я слушала, кивала, чувствуя знакомое тепло и легкую, едва уловимую отстраненность. Они были моим домом здесь. Но иногда, вот в такие утра, я ловила себя на мысли, что между нами все же есть невидимая стеклянная стена. Их мир был осязаемым. Мой — построен на догадках и чувствах.

Но сегодня это не имело значения. Сегодня был Бал. Сегодня границы могли стереться. Я допила чай, ощущая, как трепетное предчувствие внутри меня крепчает, наполняется силой. Задача на сегодня была проста: выжить до вечера и... позволить чуду случиться. Эмоциональный поворот: от страха и ощущения отстраненности к решимости воспользоваться шансом, который дает этот день.

Я встала, поправила алый шарф.

— Все, я пошла. Лекция по Основам теормага через полчаса, а я хочу занять место получше.

— Удачи, — сказала Тэсс.

— Не опоздай на ужин! — крикнула Фейра.

Элис помахала мне тонкими пальцами.

Я кивнула им и пошла к выходу, пробираясь сквозь шумную, пахучую толпу.

Аудитория-амфитеатр была тихой и полусонной. Воздух стоял неподвижный, пахнущий пылью и старой бумагой. Высокие стрельчатые окна пропускали рассеянный свет, в котором кружились пылинки. Запах старых книг, воска и чьего-то яблока смешивался в тяжелую, усыпляющую смесь.

Мастер Велор, лектор по Основам Теории Магии, стоял у темной панели вместо доски. Его тонкий палец выводил в воздухе светящиеся руны, которые тут же замирали на поверхности. Голос его был сухим, монотонным, как скрип пера по пергаменту.

— Таким образом, стабилизация эфирного потока в локальной области требует учета не менее семи коррелирующих параметров, — бубнил он. — Пренебрежение любым из них ведет к диссонансу, энергетическим потерям и, в лучшем случае, к нулевому результату.

Я сидела, подперев щеку ладонью, и старалась не уснуть. Конспект передо мной постепенно покрывался не столько рунами, сколько бессвязными завитушками, сердечками и узлами. Я нарисовала маленькое грустное лицо рядом с формулой. Ему явно не хватало семи коррелирующих параметров для счастья.

Мысли уплывали. К балу. К платью, которое висело в шкафу. К тому, как я, наверное, буду стоять в углу и считать узоры на паркете. Обещание, данное себе утром, казалось сейчас глупой и наивной выходкой. Здесь, в этой аудитории, среди запаха пыли и звуков скучной мудрости, не было места чуду.

Чтобы прогнать дремоту, я начала изучать других адептов. Большинство сидели, уткнувшись в конспекты, или боролись со сном. Кто-то украдкой перешептывался. И тут мой взгляд зацепился за фигуру у дальнего окна, в последнем ряду.

Дейгар из рода Черного Вяза. С факультета Теневой Защиты. Он сидел один, отгороженный от всех пустым пространством на скамье. Не склонился над тетрадью. Не смотрел на лектора. Его взгляд был устремлен в окно, в серое небо за свинцовыми стеклами. Он не просто смотрел. Он вглядывался. Как будто пытался разглядеть что-то очень далекое, скрытое за слоями облаков и магии.

Я никогда не видела его так близко. Только мельком в коридорах. Высокий, сухощавый. Черные волосы, идеально уложенные, ни одна прядь не выбивалась. Лицо с резкими скулами и тонкими губами казалось вырезанным из темного дерева. Он был неподвижен, как статуя. И в этой неподвижности была такая сила напряженного ожидания, что мне стало не по себе.

Почему он смотрит туда? На что? Там же только небо академического купола, вечно одинаковое. Лектор Велор говорил о чем-то важном, о границах безопасного применения силы, а этот парень смотрел в окно. Будто все эти правила, все эти стены — и академические, и те, что из камня и магии — для него не существовали.

Мысль пришла внезапно и ясно, будто кто-то шепнул ее прямо в ухо: он смотрит не на лектора. Он смотрит туда, куда всем давно запретили смотреть. Или... он помнит, как смотреть?

Меня передернуло. От этой мысли стало одновременно жутко и любопытно. Кто он такой? Почему всегда один? Что скрывают эти темные, странного цвета глаза, которые даже отсюда, через пол-аудитории, казались не просто серыми, а какими-то глубокими, меняющимися?

Велор произнес что-то резкое, и я вздрогнула, вернувшись в реальность. Он смотрел прямо на меня через очки.

— Адепт Верная! Повторите, какой коэффициент является определяющим для третьего параметра?

Я замерла. Сердце гулко стукнуло. Я вообще не слышала вопроса. В голове была пустота, залитая странным образом парня у окна. Я почувствовала, как по щекам разливается жар.

— Э-э... — начала я.

И тут, откуда ни возьмись, в голове пронесся тихий, бархатный голос с легкой хрипотцой. Не звук ушами, а прямо мысль. — Коэффициент эфирной вязкости, дитя. Статья 4.2 в учебнике, который ты, судя по всему, не открывала.

Лорэн! Дух-библиотекарь! Он всегда знал, где чей ум блуждает. Я чуть не прыснула от неожиданного спасения.

— Коэффициент эфирной вязкости, мастер Велор, — выдавила я.

Велор хмыкнул, недовольный, но удовлетворенный точностью.

— Садитесь. И советую уделять больше внимания теории, а не созерцанию пейзажей.

Я рухнула на место, чувствуя, как сгораю от стыда и облегчения. Когда я снова осмелилась посмотреть на последний ряд, Дейгар уже не смотрел в окно. Он смотрел прямо на меня. Его взгляд был не колючим, не злым. Отстраненным и оценивающим. Как будто я была интересным, но неопасным насекомым. Потом он медленно, едва заметно, отвернулся.

Лекция продолжалась, но я уже не могла сосредоточиться. Образ его — застывшего, смотрящего в запретное небо — врезался в память. Он был загадкой. Самой настоящей, осязаемой загадкой в этом мире скучных правил и предсказуемых формул. И почему-то мое утреннее предчувствие зашевелилось с новой силой.

После лекции меня вынесло в коридор вместе с потоком сонных адептов. Гул голосов, скрип половиц, запах мокрой одежды — обычная жизнь. Но у меня в голове все еще стояла та тишина, что окружала Дейгара, и его взгляд, устремленный в никуда.

Мне нужно было в библиотеку. Для эссе по истории магических клятв, которое я благополучно забросила. Тема звучала романтично: «Обещания как фундамент долговременных

магических конструкций». На деле же это означало копаться в пыльных томах про юридические казусы тысячелетней давности. Но сейчас даже это казалось спасением от мыслей о темном адепте и предстоящем бале.

«Хранилище Памяти» встретило меня благоговейной тишиной, нарушаемой лишь шелестом страниц да редкими шагами. Воздух был прохладным, пахнул старым пергаментом, кожей переплетов и сухими травами. Высокие полки, уходящие в потолок, давили своим знанием. Я прошла между рядами к своему привычному кабинке у стены.

— Ну-ну, кто к нам пожаловал, — прозвучал в голове бархатный баритон. Голос был везде и нигде, прохладное дуновение коснулось щеки. — Дипломат от Сердечных Узлов. Ищешь вдохновения для любовной клятвы? Или все же для академической работы?

— Привет, Лорэн, — мысленно ответила я, стараясь сохранять спокойствие. Дух-библиотекарь любил подкалывать. — Мне нужны материалы по истории обетов. Особенно по тем, что связаны с... с долгом. С долгом, который длится дольше человеческой жизни.

— О-хо, — протянул голос, и в нем послышалось любопытство. — Запрос стал серьезнее. От романтических баек перешли к трагедиям. Секция исторического права, дальний угол, нижние полки. Но будь осторожна, там паутины больше, чем знаний.

Я побрела в указанном направлении. Воздух становился все затхлее. Свет от магических бра сюда доходил слабо. Я присела на корточки перед нижними полками, покрытыми слоем серой пыли. Книги здесь выглядели удручающе скучно: «Свод магических обязательств 3-й эры», «Прецеденты разрыва пактов»... Я уже хотела сдаться, как взгляд упал на толстый фолиант в потертom кожаном переплете без каких-либо опознавательных знаков. Я потянулась и вытащила его. Книга тяжело легла мне на колени.

Я открыла ее наугад. Страницы были из плотной, пожелтевшей бумаги, исписанные не печатными рунами, а чьим-то стремительным, нервным почерком. Это был дневник. Или хроника. Я начала читать.

«...и клятва дана не на века, а на время существования самих звезд. Мы обязались хранить, но что остается хранить, когда то, что хранишь, отрезано от корней и томится в клетке? Сердце бьется вполсилы, ибо вторая его половина осталась там, за Последним Порогом, и зовет нас звуком тишины...»

Мурашки побежали по спине. Это был не сухой юридический язык. Это была боль. Тоска. Живое, выстраданное чувство. Я перевернула страницу.

«...говорят, что Страж забыл свой облик. Что он стал тенью от тени. Но я вижу, как он смотрит на тусклое небо нашей тюрьмы. Он не забыл. Он ждет. И пока он ждет, в его груди тлеет искра того мира, того настоящего неба...»

Я замерла, забыв дышать. «Страж». «Последний Порог». «Тюрьма». Это говорили о Куполе? О нашем, привычном, «естественном» небе? Руки сами перелистывали страницы дальше, выхватывая обрывки.

«...ритуал Связи прерван. Нити порваны. Мы запечатали себя сами, от страха, от непонимания. И обрекли стражей на вечное ожидание знака, которого, как мы думали, уже никто не подаст...»

Сердце колотилось где-то в горле. Это была не история. Это было признание. Признание в чудовищной ошибке, запертое здесь, в самом дальнем углу библиотеки. И оно резонировало с чем-то глубоко во мне, с тем самым утренним предчувствием, с тем взглядом Дейгара в окно.

— Нашла что-то интересное, птенчик? — голос Лорэна прозвучал прямо над ухом, и я взвизгнула, едва не выронив книгу.

— Ты... ты знал, что это здесь? — мысленно спросила я, прижимая фолиант к груди.

Последовала долгая пауза. Обычная ехидная легкость исчезла из незримого присутствия, сменившись натянутой серьезностью.

— Знаю все, что лежит на этих полках, — наконец ответил Лорэн. — И знаю, что некоторые вещи лежат здесь не просто так. Ищешь суть обещаний, дитя Узлов? Иногда она прячется в самых забытых обетах. Секция 13, нижняя полка. И смотри под ноги... там пауки размером с твой кулак.

Он снова замолчал, и его «присутствие» растаяло, оставив меня одну в пыльном полумраке с книгой, полной запретной тоски.

Я не могла ее оставить. Не могла. Это был ключ. К чему — я не знала. Но это было важно. Я чувствовала это каждой клеточкой. Быстро оглядевшись, я сунула тяжелый фолиант в свою сумку для книг. Он нелепо торчал, придавая ей неправильную форму. Но делать было нечего.

Я встала, отряхнула юбку от пыли и пошла к выходу, стараясь идти естественно.

ГЛАВА 2: ХРОНИКИ ОБЕТОВАННЫХ

ГЛАВА 2: ХРОНИКИ ОБЕТОВАННЫХ

Сумка тянула плечо неестественной тяжестью. Каждый шаг по каменным плитам коридора отдавался в висках глухим стуком: вор, вор, вор. Я прижимала кожаную ручку к груди, пальцы впивались в ткань. Прохожие адепты казались следователями, их смех — допросом. Я свернула в старый переход между библиотечными корпусами, где редко ходили. Здесь было тихо, пахло замшелой сыростью и старым деревом. Я искала хоть какую-то щель, дыру, куда можно было провалиться вместе со своей ношей.

Дверь в подсобку для уборочного инвентаря была заперта на ржавый висячий замок. Я дернула ручку — бесполезно. Отчаяние начало подниматься комом в горле. И тогда в конце коридора, в тени, я разглядела черный провал. Узкая, почти вертикальная лестница из кованого железа вела куда-то вниз, в технические этажи. Решение пришло мгновенно, подстегиваемое паникой: спуститься.

Я зацепилась сумкой за перила, спускаясь в полумрак. Воздух сменился — теперь он был холодным, густым, пропахшим машинным маслом, пылью и стоячей водой. Тусклые магические кристаллы в железных решетках на потолке давали жалкий зеленоватый свет, которого хватало, чтобы не расшибить голову. Трубы, шипящие клапаны, грудой сложенные пустые ящики — здесь царил заброшенный механический ад. Я нашла относительно чистый угол за грудой какого-то тряпья, рядом с теплой, вибрирующей трубой. Здесь меня точно никто не найдет.

Я опустила на перевернутый ящик, поставив сумку на колени. Дрожь в руках не утихла. Я расстегнула застежку, и запах хлынул наружу — запах совсем другой, не здешний. Запах сухой, древней пыли, выдубленной кожи и чего-то горького, вроде полыни или увядших цветов. Я обхватила толстый переплет обеими руками и вытащила книгу.

Она была тяжелее, чем выглядела. Кожаная обложка, потертая до сероватого оттенка по краям, не имела ни названия, ни тиснения. Только шершавая фактура под пальцами. Я перевернула ее, искала хоть какую-то зацепку — ничего. Только вес и этот немой, давящий вид. Что я вообще делаю? Мне нужно сдать эссе, а не рыться в краденых фолиантах. Лорэн намекнул, но он же не велел воровать! Я могла просто запомнить полку, прийти позже. А теперь я преступница.

Но любопытство было сильнее. Оно горело в груди тем самым трепетным огоньком, который разожгли строки о тоске. Я открыла книгу. Переплет скрипнул жалобно, тонко. Бумага внутри была плотной, желтоватой, испещренной строчками. Не аккуратными печатными рунами учебника, а живым, нервным, стремительным почерком. Чернила побурели от времени, но буквы все еще читались. Это был дневник.

Я начала листать наугад, выхватывая обрывки фраз. «...эфирные течения сегодня особенно беспокойны, будто чувствуют приближающийся разлом...», «...совет настаивает на полном разрыве. Они боятся даже тени связей...». Сердце забилося чаще. Я перевернула несколько страниц.

И тут мой взгляд упал на абзац, и дыхание перехватило.

«...и мы совершили это. Мы назвали это Щитом, Барьером, Спасением. Я же называю это Великой Клеветой. Мы не спасли мир. Мы заперли его. Отрезали от солнца, которого он никогда не видел, от ветров, не ведающих наших границ. И самых преданных наших стражей, тех, кто дал клятву хранить врата, мы оставили по ту сторону. Не союзниками. Тюремщиками. Они ждут знака, чтобы исполнить свой долг. Но знака не будет. Ибо мы дали тайный обет молчания. Мы предали их дважды...»

Я сидела, не двигаясь, с широко раскрытыми глазами. Слова жгли, как огонь. Это была не история. Это было признание. Признание в предательстве, запертое здесь, в самом темном углу самой большой библиотеки. Купол — не щит? Тюрьма? Стражи... оставлены? Мысли путались, отказываясь складываться в картину. Все, что я знала об истории Аркании, было ложью? Или это бред сумасшедшего?

Я листала дальше, жадно, почти не дыша. «...их тоска — это физическая величина. Она проходит сквозь барьер, как туман. Иногда мне кажется, я слышу, как они стонут. Но это, должно быть, ветер в трубах...», «...День Вне Времени. Единственная ночь, когда печати могут дрогнуть. Молился, чтобы они не нашли лазейку. Молился, чтобы нашли...».

Слезы выступили на глазах сами собой. Я не плакала от страха теперь. Я плакала от чужой, невыносимой боли, которая сочилась со страниц и находила во мне живой, отзывчивый нерв. Я представила этих существ — Стражей Врат. Обещанных хранить связь, но запертых в одиночестве на тысячу лет. Их долг стал вечным проклятием. А мы, потомки тех, кто их предал, живем тут в неведении, под искусственным небом, и называем это миром.

Я дотронулась до своего алого шарфа — символа связей, обещаний, доверия. Груз этой древней, разорванной клятвы давил так, что стало физически тяжело дышать. Какими детскими, бумажными казались теперь все наши учебные клятвы верности Академии.

И тогда, сквозь шок и слезы, я почувствовала нечто иное. Кончики пальцев, лежавшие на краю страницы, заныли слабым, но отчетливым покалыванием. Я замерла. Покалывание не уходило, оно пульсировало в такт ударам моего сердца. Я осторожно прижала ладонь к тексту. И там, под кожей, возникла едва уловимая вибрация. Не магия в привычном смысле слова — не тепло заклинания, не холод чара. Это было... эхо. Эхо невыплаканных слез, незавершенного действия, немого крика, вплетенное в самую ткань бумаги и чернил. Тоска не умерла. Она консервировалась здесь веками, ждала, чтобы ее почувствовали.

Меня охватил внезапный, неуправляемый порыв. Желание не просто понять, а ответить. Заклинание было бы кощунством. Ритуал — не известен. Но чувство... Чувство я могла послать. Я закрыла глаза, прижалась лбом к раскрытой книге. Я попыталась представить того, кто выводил эти строчки. Не имя, не лицо — его боль. Его раздирающий душу разлад между долгом и ужасом содеянного. Его тихую, безумную надежду, что все еще можно исправить. И из самой глубины своего смятения, своим внутренним голосом, я послала в холодное эхо страниц ответ: «Я слышу. Я здесь. Мне жаль».

Ничего не вспыхнуло. Комната не осветилась. Но в тот миг мне показалось, что страница под щекой потеряла ледяную остроту, стала чуть теплее, как живая кожа. А в полной, давящей тишине техно-подземелья, где было слышно только шипение пара и гул машин, явственно прозвучал глубокий, печальный вздох. Он прошел сквозь меня, не ушами, а всеми костями. Я резко отдернулась, открыла глаза, дико озираясь. Никого. Только пыльные тени, пляшущие от света кристаллов, да неподвижное железо труб.

Я судорожно сглотнула ком в горле и, дрожащими руками, захлопнула книгу. Гулкий звук ударился от стен. Это было сильнее меня. Сильнее страха наказания. Книга перестала быть просто источником информации. Она стала живой раной истории. И я, сама того не желая, не просто коснулась ее — я в нее вложилась.

Я засунула книгу обратно в сумку, движения были резкими, лихорадочными. Нужно было уйти. Сейчас же. Вставая, я почувствовала, как подкашиваются ноги — отдавали все напряжение последнего часа. Я сделала несколько глубоких вдохов затхлым воздухом, пытаясь вернуть себе хоть подобие спокойствия. Нельзя выходить на люди в таком состоянии. Все сразу поймут.

Я поднялась по скрипучей лестнице обратно в переход. Здесь было пусто, тихо. Я быстро зашагала к выходу в главный корпус, прижимая сумку к боку. Мысли путались: Стражи, Кле-

вета, День Вне Времени... И этот вздох. Был ли он на самом деле? Может, это шипение пара? Но нет, он был слишком... осмысленным.

Я слишком углубилась в свои размышления, почти не глядя под ноги. Повернула за угол — и столкнулась с кем-то с размаху. Удар пришелся в плечо, я отлетела назад, потеряв равновесие. Сумка выскользнула из ослабевших пальцев и шлепнулась на каменный пол с глухим, увесистым звуком. Из-под откинувшегося клапана показался угол кожаного переплета.

— Ай! Извините! — вырвалось у меня, пока я ловила дыхание. Я подняла голову.

Передо мной стоял Дейгар. Тот самый, с лекции. Он даже не пошатнулся от удара. Стоял неподвижно, как колонна. Его темные глаза, в полумраке перехода казавшиеся совсем черными, смотрели на меня без выражения. Не гнев, не удивление — ничего. Он не извинился. Не наклонился помочь поднять сумку.

Ледяная волна страха окатила меня с головы до ног. Он здесь. Почему? Он видел? Он следил? Я попыталась улыбнуться, сделать беззаботное лицо, но губы не слушались.

— Я... я не смотрела куда иду, — пробормотала я, нагибаясь, чтобы схватить сумку. Я пыталась прикрыть собой злополучный угол книги. — Простите...

— Запретный архив, — произнес он. Голос был низким, ровным, без единой эмоциональной нотки. Он звучал как констатация погоды. Его взгляд, тяжелый и неотрывный, скользнул с моего лица на сумку, на ту самую полоску кожи, торчащую наружу.

У меня перехватило дыхание. Он знал. Откуда? Лорэн? Нет, дух никогда бы не выдал. Слухи? Но я же никого не видела!

— Я просто... эссе пишу, — залепетала я, вставая и прижимая сумку к груди, как щит. — По истории обетов. Там, в старых фондах, есть интересные...

— Тоска, — перебил он тем же бесстрастным, рубленным тоном. — Опасное чувство.

Он сделал шаг вперед. Я инстинктивно отпятилась, спиной наткнулась на холодную стену. Он не был агрессивен, но его присутствие заполняло все пространство узкого коридора, давило. Он наклонился. Я зажмурилась, ожидая, что он вырвет сумку.

Но он лишь поднял с пола мою перчатку, выпавшую из кармана при падении. Протянул ее мне. Его пальцы были длинными, бледными.

— Оно разъедает стены, — продолжил он, глядя мне прямо в глаза. Его взгляд был пронзительным, я чувствовала его физически, как укол. — Даже те, что построены из правил. Может разбудить то, что лучше спало.

В его словах не было угрозы. Было холодное, неумолимое предупреждение. И что-то еще... усталое понимание? Будто он видел эту сцену, мой испуг, мою украденную тайну, уже тысячу раз. Будто я была не первой и не последней.

Я взяла перчатку. Мои пальцы касались его пальцев на долю секунды. Кожа была холодной, как мрамор.

— Я... я не хотела ничего будить, — прошептала я, и мой голос прозвучал жалко и по-детски искренне.

Он чуть склонил голову набок, будто изучая редкий, нелепый экземпляр.

— Желания редко имеют значение, — сказал он. — Только действия. И последствия.

Он отступил на шаг, освобождая пространство. Его взгляд в последний раз метнулся к сумке, а затем вернулся к моему лицу.

— Будь осторожна с тем, что находишь, адепт Верная. Некоторые двери, будучи приоткрытыми, уже не закроются.

Он развернулся и пошел прочь по коридору, его шаги были бесшумными, плавными. Он растворился в тени, не оглянувшись ни разу.

Я осталась стоять, прислонившись к стене, сжимая в одной руке сумку с запретной книгой, в другой — смятую перчатку. Его слова висели в воздухе: «будь осторожна», «не закроются». Он не отчитал меня. Не донес. Он предупредил. Почему?

Дрожь, наконец, вырвалась наружу. Я обхватила себя руками, но это не помогало. Столкновение длилось меньше минуты, но оно выбило из меня все остатки ложного спокойствия. Он не просто знал, откуда книга. Он знал, что в ней. Или догадывался. «Тоска». Он употребил именно это слово, которое пронизывало каждую страницу.

Я добежала до своей комнаты в «Доме Корней» как затравленный зверь. Зашелкнула дверь на ключ, прислонилась к ней спиной, отдышиваясь. Сердце бешено колотилось, в ушах звенело. Безопасность. Наконец-то.

Я поставила сумку на стол, села на кровать и просто смотрела на нее. Кожаный угол все еще торчал. Я не хотела ее видеть. Не хотела прикасаться. Но книга тянула, как магнит. Предупреждение Дейгара звучало в голове, но любопытство и та странная, болезненная связь, которую я почувствовала в подвале, были сильнее.

Я подошла к столу, вытащила книгу. Она лежала передо мной, немой укор и соблазн. Я открыла ее не на том месте, где читала. Рука сама легла на страницу. И снова — то же покалывание, слабая вибрация. Эхо тоски. Оно было здесь, со мной, в моей комнате.

Я снова начала читать. Теперь уже не обрывками, а пытаюсь вникнуть. Описание ритуалов связи, которые проводились до Разлома. Не массивных заклинаний силы, а тонких практик настройки, созвучия, обмена. «Магия Сердечных Узлов в ее изначальном виде, — гласила одна сноска, — была не управлением, а резонансом. Умением услышать Другого и ответить ему тем же качеством чувства».

Это перекликалось с тем, что я пыталась делать в подвале. Ответить чувством. И это сработало. Книга ответила вздохом.

Меня охватило странное волнение. Что, если я попробую не просто почувствовать, а... воспроизвести этот посыл? Не ритуал из книги — я не понимала и половины терминов. А саму эмоцию. То самое чувство связи, разлуки, надежды на воссоединение, которым был пропитан каждый лист.

Я отодвинула книгу, села на пол посреди комнаты, скрестив ноги. Закрыла глаза. Вспомнила строки о Стражах. Представила себе это: быть запертым, ждать знака, который никогда не придет. Тоска должна быть всепоглощающей. Горькой. Но в ней, как писала хроника, тлела искра надежды. Надежды на то, что их услышат.

Я попыталась воссоздать в себе этот коктейль чувств. Не думать о магии. Просто чувствовать. Горечь разлуки. Давящее одиночество ожидания. И эту крошечную, горячую искру: «А вдруг?»

Сначала ничего не происходило. Потом воздух вокруг меня словно сгустился. Я открыла глаза. Комната была прежней, но... тени в углах зашевелились. Не как от дрожащего пламени свечи, а живые, медленные, будто в них что-то проснулось. От книги на столе потянулись тонкие, едва видимые золотистые искры, похожие на пыльцу в луче солнца. Они висели в воздухе, не падая.

Тишину разорвал звук — тихий, мелодичный звон, будто кто-то тронул хрустальный бокал. Он шел отовсюду и ниоткуда. И стало тепло. Не от камина — его не растапливали. Тепло исходило от самого воздуха, ласковое и тревожное одновременно.

Я почувствовала присутствие. Не в комнате. Рядом с комнатой. За стеной реальности. Что-то огромное, древнее и бесконечно печальное повернуло на меня свое внимание. Оно смотрело сквозь тонкую ткань мира прямо на меня.

Восторг и ужас схлестнулись во мне. Получилось! Это работало! Чувства могли так работать! Но это было слишком. Слишком большое, слишком реальное. Что, если дверь, о которой говорил Дейгар, откроется сейчас, здесь?

— Нет! — выдохнула я и резко, изо всех сил, мысленно оттолкнула от себя этот поток эмоций. Я представила, как захлопываю тяжелую, дубовую дверь. Закрываю, запираю, засовываю засов.

Искры погасли. Тени замерли. Звон оборвался. Тепло рассеялось, сменившись привычной прохладой комнаты. Присутствие отступило, растворилось. Осталась только я, сидящая на полу в полной тишине, с бешено колотящимся сердцем и холодным потом на спине.

Я подняла взгляд на книгу. Она лежала смирно, просто старая книга. Но я-то знала. Это не заклинание... Это просто я... и то, что я чувствую. Разве чувства могут так работать?

Да. Могут. И это было самое страшное открытие за весь день.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть так, будто выстрелили.

— Лиара! Ты там? Открывай, мы ждали! — это был голос Фейры, громкий, нетерпеливый и совершенно земной.

Я огляделась. Комната была обычной. Никаких искр, теней. Только я, бледная, вероятно, как полотно, и все еще дрожащая. Я вскочила, сунула книгу под подушку и потянулась к двери.

— Иду, иду!

В коридоре стояли все трое. Фейра, Тэсс и Элис. Они были в своих повседневных формах, но в глазах у каждой горели огоньки предвкушения. Вечер Бала.

— Ну наконец-то! — Фейра впорхнула в комнату, окинула ее критическим взглядом. — И что это за бардак? Вещи не готовы? Платье не вывешено? Безобразие!

— Я только... — начала я.

— Никаких «я только», — перебила Фейра, уже распахивая мой шкаф. — Ага, вот оно. Вытаскивай.

Она достала мое бальное платье — простенькое, из светло-синего шелка, купленное на сэкономленные стипендии. Оно висело на вешалке, слегка помятое.

— Ужас, — констатировала Фейра. — Сейчас исправим.

Она щелкнула пальцами, и платье мягко вспорхнуло в воздух, расправив все складки. Фейра водила руками, как дирижер, и невидимая сила гладила ткань, выправляла швы. Это была ее магия — магия порядка, места и состояния вещей.

— Держи, — сказала она, и платье плавно опустилось на спинку стула в идеальном состоянии.

Тем временем Элис подошла ко мне. В ее руках был небольшой льняной мешочек.

— Я принесла кое-что из оранжереи, — прошептала она. — Для твоих волос.

Она развязала шнурок, и комната наполнилась свежим, нежным ароматом живых цветов. Элис достала несколько крошечных бутонов белых роз и веточку плюща с серебристыми прожилками.

— Дай-ка сюда, — сказала она, и ее тонкие, уверенные пальцы принялись распускать мою тугую, небрежную прическу. Она вплетала цветы и листья в мои каштановые кудри, ее прикосновения были легкими, точными. Каждое растение будто само находило свое место.

— Он будет держаться, — шепнула она мне на ухо, когда работа была закончена, — он хочет быть частью твоего праздника.

Я посмотрела в маленькое зеркальце. Цветы выглядели так, будто выросли сами в моих волосах. Это было волшебство.

Тэсс тем временем изучала мою обувь — простые туфли на невысоком каблуке.

— Новые? — спросила она.

— Да. Сегодня первый раз надену.

— Ошибка, — сказала Тэсс. — Натертости обеспечены. Жди.

Она покопалась в кармане своего халата и вытащила маленькую баночку с мазью. — Вот. Намажь пятки и мизинцы перед тем, как обуться. И возьми это с собой, — она протянула мне пару мягких войлочных вкладышей. — На случай, если все-таки натрет.

Я взяла баночку и вкладыши, чувствуя комок в горле. Они пришли. Помогают. Без лишних вопросов, каждый своим способом.

— Ну что, красавица, почти готова? — спросила Фейра, оценивая меня взглядом. — Платье в порядке, волосы — шедевр, от Тэсс получила полную медицинскую поддержку. Осталось только надеть это все и не упасть в обморок от счастья.

Мы все засмеялись. И в этот момент, в кругу их заботы и смеха, стена, которую я чувствовала за завтраком, растаяла. Она была ненастоящей. Придуманной мной же. Они были здесь. Настоящие. И они были моими подругами.

— Спасибо, — сказала я, и голос дрогнул. — Вы... лучшие.

— Да ладно тебе, — отмахнулась Фейра, но я видела, как она смущенно улыбнулась. — Давай уже переодевайся. Мы подождем в гостиной. И побыстрее! Я слышала, там сегодня будут настоящие трюфельные пирожные от тети Груни!

Они вышли, оставив меня одну. Я стояла среди своей комнаты, которая теперь пахла цветами и теплом. Предчувствие все еще клубилось где-то внутри, тяжелая книга лежала под подушкой, а слова Дейгара висели в памяти. Но сейчас, в этот момент, я чувствовала себя не одинокой авантюристкой, запутавшейся в древних тайнах. Я чувствовала себя частью чего-то теплого, живого и очень важного.

ГЛАВА 3: БАЛ ВНЕ ВРЕМЕНИ

Шум сотен голосов, смех и звон бокалов выплеснулся на меня, как только я отодвинула тяжелую дубовую дверь. Но все это смолкло, отступило на второй план, когда я подняла голову.

И забыла, как дышать.

Потолка не было. Точнее, он был, но его заменило самое настоящее, бесконечное, живое небо. Только не наше, привычное, затянутое вечной изумрудной дымкой Купола. А какое-то другое, ясное, глубокое, украшенное двумя лунами и мириадами звезд.

Большая, серебряная Селена плыла в самом зените, заливая зал холодным, но ласковым светом. Ее меньшая сестра, бирюзовая Мира, пряталась у самого края иллюзии, будто стесняясь. А звезды... Их были тысячи. Десятки тысяч. Они не просто висели. Они дышали: слабели и разгорались, некоторые медленно, почти лениво перемещались, выписывая на бархате ночи сложные, завораживающие узоры. Я вспомнила слова старца Лирана с лекции по медитации: «Истинная магия — не в нарушении законов, а в умении увидеть узор вселенной и вплести в него свою нить». Вот он, этот узор, вытканый из чистого света и иллюзии. Совершенный.

Это была не картина. Это была иллюзия такой невероятной силы, что мозг отказывался верить в подделку. Да, это небо. Настоящее. Здесь и сейчас. Воздух был на удивление прохладным и чистым, словно на высокогорном плато после дождя. Он пах воском — не жирным и коптящим, а тонким, медовым ароматом сотен свечей, горевших в хрустальных подвесках на стенах. Их пламя не колыхалось, давая ровный, золотой свет. Этот запах смешивался с легким, свежим благоуханием белых роз из гигантских напольных ваз и едва уловимыми нотами дорогих духов и пудры.

Я сделала шаг вперед, и отполированный до зеркального блеска паркет скользнул под подошвами моих новых туфель. Я едва удержала равновесие, схватившись за дверной косяк. Вокруг двигался, переливался, жил настоящий карнавал. Платья из шелка, бархата, газа всех мыслимых оттенков — от небесно-голубого до кроваво-багрового. Строгие темные мундиры мужчин, расшитые серебряными нитями по воротникам и манжетам. Блеск фамильных украшений, тихий перезвон бисерных нитей. Гул приглушенных голосов, шелест тканей, сдержанный смех, ритмичный скрежет подошв по паркету — все это сливалось в мощный, живой гул, биение сердца праздника.

Откуда-то сверху, с балконов для музыкантов, лилась музыка. Невидимый оркестр играл что-то струнное, торжественное и печальное одновременно. Виолончель вела свою бархатную, глубокую партию, а флейты вторили ей, как эхо с гор. Музыка обволакивала, как теплый шелк, проникала внутрь и заставляла сердце биться в такт.

Я стояла, прислонившись к стене, и впитывала это всем собой. Я чувствовала себя Золушкой, которой фея-крестная все же подарила один этот вечер, но которая вот-вот опоздает на свой же бал. Мое простое синее шелковое платье казалось вдвое беднее и невзрачнее на фоне этого буйства красок и тканей. Но я дотронулась до волос, где Элис вплела крошечные бутоны белых роз и серебристый плющ. Они были живыми, настоящими, их нежный аромат был моим тайным оружием. Я улыбнулась сама себе, поймав свое отражение в одном из огромных зеркал в золоченых рамах. Глаза горели, щеки порозовели от волнения. Девочка из «Дома Корней» на балу у принца. Обещание, данное себе утром, еще теплилось внутри, как маленькая, но упрямая свечка.

И тут, как по какому-то внутреннему, тревожному маяку, мой взгляд нашел его. Дейгара из рода Черного Вяза.

Он стоял в тени одной из массивных мраморных колонн, недалеко от арки, ведущей на один из балконов. Он был одет в темный, почти черный камзол своего факультета, без единого

украшения, без цветного шарфа на поясе или через плечо. Он не танцевал. Не разговаривал. Не держал в руках бокал. Он просто стоял. И наблюдал.

Но не так, как другие. Не с любопытством, не с восхищением, не с оценкой нарядов. Его взгляд, тяжелый и методичный, скользил по залу, по танцующим парам, по сияющим лицам, по иллюзорному небу над нами. В его позе не было непричастности меланхолического отшельника. Была концентрация. Концентрация часового, который знает, что его пост — самый важный, и расслабляться нельзя ни на секунду. Он охранял. Но что? Эту толпу? Этот бал? Или что-то невидимое, скрытое за всей этой роскошью и весельем?

Предчувствие, тихое, холодное и настойчивое, кольнуло меня под ложечкой. Я вспомнила его слова в коридоре: «Тоска... может разбудить то, что лучше спало». И взгляд его сейчас был полон именно этого — бодрствования. Казалось, сам воздух вокруг него переливался иным качеством, был гуще, темнее, и даже музыка, долетая до того угла, звучала приглушеннее.

Казалось, сам воздух во всем зале переливается не только светом, но и обещаниями. Одни — легкие, о романе и веселье. Другие — темные, древние и загадочные. И одно из таких обещаний, или угроз, стояло у мраморной колонны и смотрело на наш праздник чужими, слишком старыми и знающими глазами.

Я оторвалась от стены и постаралась раствориться в толпе, двигаясь к ряду высоких арочных окон, задрапированных темно-синим бархатом. Отсюда был хороший обзор. Я нашла небольшую свободную нишу со скамьей из темного мрамора и присела, стараясь казаться занятой наблюдением за танцем. Пальцы сами нашли шелк моего алого шарфа, повязанного теперь на талии поверх платья, и начали теребить бахрому. Нервная привычка. Сердце все еще выстукивало быстрый, тревожный ритм — отголосок увиденного великолепия и от той темной, недвижимой фигуры у колонны.

Меня заметили. Первым подошел Брен, однокурсник с факультета Боевой магии. Широкоплечий, с честным, немного глуповатым лицом. Он покраснел до корней волос.

— Лиара! Ты... ты сегодня хорошо выглядишь. Не хочешь танцевать? — он произнес это скороговоркой, глядя куда-то мне на плечо.

Внутренний монолог зашумел: Отказать. Вежливо. Он добрый, но наступит на ноги и будет два часа говорить о силовых аурах.

— Спасибо, Брен. Я немного устала, только пришла. Может, позже? — я сделала максимально безобидную улыбку.

Он кивнул, облегченно выдохнул и почти бегом ретировался, будто выполнил сложнейшую миссию.

Следующим был старшекурсник с Эфирных Искусств, чье имя я забыла. Он подошел с уверенностью, от которой пахло дорогим одеколоном и самовлюбленностью.

— Адепт Верная, позвольте пригласить вас на этот тур. Ваше присутствие освежает, как утренний бриз, — он склонился в изящном полупоклоне.

О боже. Рифмует. Беги.

— Благодарю за комплимент, но я жду подруг, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал с сожалением. — Мы договорились встретиться здесь.

Он поднял бровь, окинул меня оценивающим взглядом, явно сомневаясь в правдивости моих слов, фыркнул и удалился с видом человека, которого недооценили.

Я почти не слышала их. Половина моего внимания была прикована к Дейгару. Он не сдвинулся ни на сантиметр. Казалось, он врос в пол, стал частью архитектурного декора. Ни одна девушка не решалась подойти. Многие обходили его стороной, бросая короткие, любопытные, а чаще настороженные взгляды. Он был островом абсолютной тишины в кипящем море музыки и смеха.

Внутри меня шла война. Рациональный страх, холодный и цепкий, шептал: Он опасен. Он предупреждал. Он не такой, как все. Смотри, как его все сторонятся. Ты уже однажды чуть не развязала что-то ужасное с той книгой. Хочешь повторить здесь, при всех? Сиди и смотри на звезды. Это безопасно.

Но любопытство... Нет, даже не любопытство. Магнит. Жгучее, необъяснимое влечение к этой загадке. Он был самой настоящей, осязаемой тайной в этом зале, полном иллюзий. А сегодня был День Вне Времени. Ночь, когда, согласно Хроникам, «печати могут дрогнуть». Если когда-либо и был момент попытаться приблизиться, понять, услышать — то именно сейчас. Под этим лживым-правдивым небом, в эту ночь, когда границы истончались.

Я уже собралась с духом. Уже сделала глубокий вдох, уже мысленно оттолкнула страх. Уже приготовилась встать и сделать эти двадцать шагов через зал. Рука сама потянулась поправить шарф.

И в этот миг он пошевелился.

Не резко. Не как человек, который засиделся. Он просто оторвался от колонны. Отделился от тени. И пошел. Не к выходу. Не к столам с угощениями. Через зал. Прямо. Ко. Мне.

Время замедлилось. Весь шум, весь свет, вся музыка и смех ушли в густой, ватный туман. Остался только он. Его плавная, бесшумная походка, с которой он рассекал толпу, будто та не существовала. И бешеный, гулкий стук моего сердца в ушах и в горле.

Он остановился передо мной. Ближе, чем в том коридоре. Теперь я видела все детали: тонкие морщинки у внешних уголков глаз, слишком бледную кожу, странный, переливчатый оттенок его радужки — сейчас она казалась темно-серой, но с глубокими фиолетовыми искрами внутри. Он не улыбнулся. Не склонился в поклоне. Не сказал ничего.

Его взгляд упал на мой алый шарф на талии, задержался на секунду, потом поднялся и встретился с моим.

— Танец? — произнес он. Всего одно слово. Голос был тихим, низким, без интонации, но я услышала его сквозь весь гул зала, будто он прозвучал прямо у меня в голове. Он чуть кивнул в сторону паркета, где кружились пары под новую, более быструю мелодию.

Мой язык стал ватным, мысли разбежались. Все заранее придуманные умные, осторожные или кокетливые фразы испарились без следа. Я могла только кивнуть. Молча. И этот простой кивок отнял у меня больше смелости, чем весь предыдущий день.

Он протянул руку. Не для галантного поцелуя. Просто открыл ладонь вверх, между нами. Безымянный жест, лишенный всякого светского лоска. Я, не глядя, положила свою дрожащую руку ему на ладонь. Его пальцы сомкнулись вокруг моих. Кожа была прохладной, очень сухой и твердой, как полированное дерево.

Он повернулся и повел меня на паркет. И я пошла за ним, как лунатик, не чувствуя под ногами зеркального паркета, не слыша музыки. Только холод его руки и жгучую тишину, которая возникла между нами.

Музыка сменилась. Быстрый ритм уступил место чему-то медленному, печальному и невероятно красивому. Виолончель запела свою бархатную, задумчивую мелодию, а флейты подхватывали ее, как эхо.

Он положил одну руку мне на талию — легкое, почти невесомое прикосновение через тонкую ткань платья. Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Я подняла свободную руку и положила ему на плечо. Под пальцами ткань камзола была плотной, а под ней чувствовались твердые мышцы. Мы начали двигаться.

Он танцевал безупречно. Каждый шаг, каждый поворот, каждое скольжение были выверены, как в сложном боевом па. Он вел с такой абсолютной уверенностью, что я, вечно сомневающаяся и спотыкающаяся, не сделала ни одной ошибки. Мы скользили по паркету, и мне казалось, что мы не идем, а плывем, оторвавшись от пола. Зеркала вокруг умножали наше

отражение — темная и светлая фигуры в облаке синего шелка, повторяющиеся до бесконечности в позолоченных рамах.

Мы не разговаривали. Он молчал. И я боялась нарушить эту хрупкую, невероятную тишину, что опустилась между нами, как колпак. Но в ней не было неловкости. Было... сосредоточенное внимание. Он был полностью здесь, в этом танце, со мной. Его глаза не бегали по залу, не оценивали других. Они были прикованы ко мне. Но смотрел он не на меня-девушку. Он смотрел будто сквозь меня, вглубь. Искал что-то. Считывал. И я в ответ старалась читать его. В каждом движении, в каждом микровыражении его лица, которого почти не было.

Я искала ответы. Кто ты? Что скрываешь за этой маской невозмутимости? Почему предупредил меня тогда? Что ты охраняешь? И почему твоя рука такая холодная?

Мы сделали широкий поворот, и в поле моего зрения снова попало сияющее небо-потолок. Селена плыла прямо над нами, ее свет был почти осязаем. И в памяти, ярко и без спроса, всплыли не сухие строчки Хроник, а их боль. Их эмоциональная сердцевина.

«...и сердце бьется вполсилы, ибо вторая его половина осталась там, за Последним Порогом, и зовет нас звуком тишины...»

Тоска. Невыносимая, тысячелетняя тоска по утраченной связи. По разлученному целому. Именно это чувство, как сок, сочилось со страниц книги. И сейчас, в этом странном, молчаливом танце с существом, которое явно было не отсюда, это чувство ожило во мне с новой, оглушительной силой. Это была не моя личная тоска. Это была наша общая. Всех, кого разлучила эта стена, этот Купол. Стражей, оставленных там. И нас, запертых здесь, даже не знающих, что мы в тюрьме.

Музыка набирала силу. Виолончель запела особенно пронзительно, высоко, почти как человеческий голос, зовущий в ночи. Я посмотрела на Дейгара. На его прекрасное, строгое, отчужденное лицо. На глаза, в которых отражались не я, адвигающиеся звезды иллюзорного неба. И в тот миг до меня дошло с кристальной ясностью.

Он — Страж. Тот самый. Тот, кого оставили. Тот, кто ждет знака. И его ожидание — это и есть та самая тоска из книги. Живая. Дышащая. Танцующая со мной в эту секунду.

И без мысли, без малейшего намерения, на чистом, неконтролируемом порыве сочувствия и этого внезапного, болезненного единения, я это чувство — всю его горечь, всю немую надежду, всю жажду воссоединения — выпустила наружу. Не как заклинание, формулу которого я не знала. Не как ритуал. Как крик. Крик души, которая вдруг поняла. Как ответ на тот немой, длящийся века зов, что исходил от него, от книги, от самой истории.

Я не произнесла ни слова. Я просто посмотрела ему в глаза, в самую их фиолетово-серую глубину, и позволила этому сгустку чистой, сырой эмоции хлынуть из меня на него, в него, через него — в само пространство зала.

И мир среагировал.

Сначала музыка. Она дрогнула. Один инструмент — та самая виолончель — выдал фальшивую, скрипучую ноту. Звук был таким резким, что несколько пар рядом с нами вздрогнули. Потом мелодия захлебнулась, распалась и затихла. Полностью. Наступила оглушительная тишина.

Гул голосов оборвался на полуслове. Смех замер. Шелест платьев стих. Пары на паркете остановились, замерли в нелепых позах, как куклы с оборванными нитями. Сотни лиц повернулись к нам, недоумевающие, затем испуганные.

Я, все еще в полуобъятии Дейгара, медленно подняла голову.

На иллюзорном небе творилось нечто невозможное. Звезды перестали двигаться. Они застыли, а потом, как по команде безумного геометра, начали смещаться. Не хаотично. Они собирались в узор. Сложный, геометрический, гипнотический. Узор, который я видела в книге на полях! Узор разорванных связей, печати, которая когда-то скрепляла миры, а теперь лишь

обозначала место разлома. Он светился холодным, ядовито-изумрудным светом, тем самым, что был цветом нашего Купола.

Вот оно. Именно это чувство. Оно здесь, между нами... и оно должно было быть услышано.

Я даже не осознавала, что сделала. Я лишь смотрела на небо, где сияла наша общая, древняя, выплеснувшаяся наружу боль.

Тишина в зале была плотной, тяжелой, давящей на барабанные перепонки. Все, от зеленых первокурсников до седовласых архимагов в почетных ложах, уставились вверх, завороченные зловещим светящимся узором. Лица отражали спектр эмоций: от чистого изумления и восхищения до суеверного страха и растущей паники. Потом, как по команде, десятки, сотни глаз начали опускаться. Искать источник. И многие, слишком многие, остановились на нас. На темной и светлой фигурах, все еще стоящих в центре паркета в немой позе прерванного танца.

Я почувствовала, как рука Дейгара на моей талии вдруг сжалась. Не в порыве страсти. Схватила, вцепилась в складки моего платья с такой силой, что ткань натянулась и хрустнула. Не больно. Это было похоже на судорогу, на рефлекторный захват тонущего. Я повернула к нему голову, все еще находясь в полубомороке от собственного действия.

Он смотрел не на небо. Он смотрел на меня. И в его всегда таких сдержанных, нечитаемых глазах бушевала настоящая буря. Дикий, животный ужас. Такой, каким, наверное, смотрят на надвигающуюся лавину или на раскрывающуюся бездну. И сквозь этот ужас пробивался немой, кричащий вопрос, который я услышала кожей, костями, душой: «Что ты наделала?»

И тогда с ним начало происходить Нечто.

От него, от самой его кожи, повеяло холодом. Не простой прохладой зала. Леденящим, пронизывающим до костей морозом абсолютной пустоты, космического вакуума. Воздух вокруг нас зашевелился, потемнел. Будто все тени зала — от складок бархата, от колонн, от тел людей — оторвались от своих мест и потянулись к нему, вплетаясь в невидимый вихрь. Они закрутились вокруг нас, и в их движении был шепот. Тихий, навязчивый, состоящий из обрывков забытых слов, скрипа старых дверей, шороха крыльев в полной темноте. Язык, на котором никто не должен был говорить.

Но самое страшное случилось позади него. На секунду, на одно краткое, роковое мгновение, сама ткань реальности дрогнула и истончилась. Четкий контур его фигуры в темном камзоле поплыл, стал прозрачным. И сквозь него, как сквозь запотевшее стекло, проступил другой контур. Огромный, размытый, но невероятно мощный. Очертания сложенных за спиной крыльев, сотканных из самой ночи и пронизанных сетью сияющих, как жидкое серебро, прожилок. И сам его силуэт стал больше, монументальнее, явно нечеловеческим. Это видение длилось меньше, чем удар сердца.

Но этого хватило.

В зале раздался первый крик. Женский, высокий, пронзительный, полный чистого, неконтролируемого страха. Потом еще. И еще. Хаос, до этого сдавленный изумлением, прорвался наружу с силой прорванной плотины. Кто-то в ужасе отпрянул, опрокидывая стул. Кто-то, наоборот, сделал шаг вперед — преподаватель с Боевого факультета, его рука уже тянулась к посоху, лицо искажено гневом и решимостью. Кто-то просто замер, не веря своим глазам.

Дейгар вздрогнул всем телом, словно его хлестнули этим страхом и ненавистью по лицу. Его рука разжалась, отпустила мое платье. Он отшатнулся от меня, и в его взгляде, полном того же ужаса, промелькнуло что-то еще. Что-то похожее на бесконечную усталость. И сожаление. Мгновенное, но жгучее.

— Нет... — успел вырваться у меня хриплый шепот. Рука сама потянулась к нему, чтобы удержать, хотя ум кричал бежать.

Но он уже растворялся. Темный вихрь теней сгустился, поглотил его фигуру с головой. И через миг на паркете, где он только что стоял, не осталось ничего. Только легкая рябь в воздухе, как от жары, и медленно рассеивающийся, ледящий холодок, давящий на легкие.

Я осталась одна. В самом центре огромного, сияющего, прекрасного зала, под холодным, мертвым светом древнего узора на иллюзорном небе. Сотни пар глаз, широких от ужаса, гнева, любопытства, смотрели теперь прямо на меня. Только на меня. В них не было вопроса. Был уже готовый приговор: Ты. Твоя вина.

Музыка не играла. Никто не танцевал. Зал замер в гробовой, звенящей тишине, нарушаемой только сдавленными рыданиями и тяжелым дыханием.

Я обхватила себя руками, но дрожь была изнутри, сотрясая все тело, ее было не остановить. Я посмотрела на свои пустые, бледные ладони, которые всего минуту назад лежали в его холодной руке и на его плече.

Это я. Это всё я...

ГЛАВА 4: ПОСЛЕДСТВИЯ

Утро пришло серое, влажное и невероятно громкое. Не звуками, а тишиной, которая давила на уши после вчерашнего гула. Я проснулась от собственного всхлипа, зарывшись лицом в подушку. Сон не приходил почти до рассвета, а когда приходил, был кошмарным: звезды падали с неба и превращались в ледяные осколки, а я пыталась их поймать и собрать обратно.

Я долго лежала, слушая привычные утренние звуки «Дома Корней»: скрип половиц, приглушенные голоса за стеной, дальний звон колокольчика. Все как всегда. И от этого становилось еще страшнее. Как будто вчерашний взрыв, тот ужас в его глазах и сотни осуждающих взглядов были просто дурным сном.

Но это был не сон. Платье, скомканное и брошенное на стул, пахло воском и холодком. Я встала, надела форму наощупь, едва глядя в зеркало. Лицо было бледным, под глазами лежали фиолетовые тени. Я собрала волосы в самый тугой, небрежный пучок и вышла.

Коридоры академии были полны людей. И именно в них я ощутила перемену. Раньше я была невидимкой. Теперь — нет. Пока я шла к столовой, я ловила на себе десятки взглядов. Быстрых, украдкой, но жгучих. Я слышала обрывки шепота, обрывающиеся, когда я проходила мимо.

— ...говорят, чудовище прямо в зале...

— ...шпион, конечно. С Теневой Защиты, чего еще ждать...

— ...а она с ним танцевала. Видели? Сама подошла...

— ...может, проклятие какое? На весь факультет Сердечных Узлов...

Каждое слово било, как маленький камешек. Я опустила голову, ускорила шаг, стараясь не смотреть ни на кого. В столовой было не лучше. Я взяла поднос с кашей и чаем и огляделась, ища наш стол. Фейра, Тэсс и Элис уже сидели. Но вокруг них, да и вокруг всего стола, висела странная, напряженная тишина. Другие обитательницы «Дома Корней» явно сторонились их, бросая косые взгляды.

Я подошла и села. Мои подруги выглядели... не так, как обычно.

Фейра не ела. Она сидела, уставившись в одну точку на столешнице, и её пальцы выстукивали по дереву нервный, рваный ритм. Вчера она хотя бы злилась, боролась с этим звоном в ушах. Сегодня она просто... терпела. И это молчаливое терпение было страшнее вчерашней вспышки.

Тэсс держалась прямо, но движения её были замедленными, будто каждое требовало огромных усилий. Она не щупала пульс, не проверяла температуру — просто сидела, прикрыв глаза, и дышала размеренно, как учила своих пациентов справляться с болью. Но я видела, как побелели костяшки её пальцев, сжимающих край стола.

Элис... Элис не вздрагивала. Она замерла, словно боялась пошевелиться. Её чашка давно остыла, руки лежали на столе неподвижно, но в её взгляде, устремлённом в пустоту, жило что-то, чего я не могла назвать. Не страх. Ожидание. Как будто она ждала следующего удара, который мог прийти в любую секунду.

Я сжала под столом кулаки. Вчера я думала, что видела худшее. Сегодня я поняла: «отголоски» не затихали. Они менялись. И если вчера это была паника, то сегодня — глухая, безропотная усталость, которая пугала меня ещё больше.

Я наблюдала за ними, и ледяная ползучая догадка начала шевелиться в моем оцепеневшем мозгу. Это не просто стресс от вчерашнего скандала. С ними что-то не так. Что-то физическое. Точно так же, как со мной после... после того, как я «ответила» книге. Отголоски.

Фейра заметила мой взгляд и нахмурилась.

— Чего уставилась? — ее голос прозвучал резко, не по-дружески. — Ты-то как? Героиня дня?

— Фейра... — начала я.

— Не надо, — отрезала она, вставая и хватая свой почти полный поднос. — У меня голова раскалывается. Иди отсюда.

Она ушла, не оглянувшись. Тэсс вздохнула, медленно поднялась.

— Мне тоже нужно... проверить кое-что в лекарской, — сказала она без эмоций и последовала за Фейрой.

За столом остались я и Элис. Она подняла на меня свои огромные испуганные глаза.

— Было очень громко, — прошептала она. — Вчера. Не снаружи. Внутри. У корней. Все кричало.

Она встала и, не дотронувшись до еды, ушла, съежившись, будто пытаясь стать меньше.

Я сидела одна за большим столом, чувствуя, как стены смыкаются. Слухи вокруг. Странности у подруг, которые я заметила, но не поняла. И тихая, всепоглощающая вина, которая наконец прорвалась сквозь шок. Я все это сделала. Я все это накликала.

Вызов пришел до обеда. К моей комнате подошла служка в темно-синей мантии ректора и без лишних слов вручила мне свернутый в трубочку пергамент с сургучной печатью. Внутри коротко и ясно: «Адепт Лиария Верная. Явиться в кабинет ректора в час дня. Дамелия Арвентор.»

У меня похолодели руки. Итог. Расплата. Возможно, отчисление. Или что похуже. Я попыталась вспомнить устав Академии о наказании за... за что? За танцы с предполагаемым чудовищем? За непреднамеренное нарушение иллюзии в Зале? Формальной статьи не находилось, но власть ректора была абсолютной.

Ровно в час я стояла перед массивной дубовой дверью кабинета. Сделала глубокий вдох, вспомнив совет Тэсс про дыхание, и постучала.

— Войдите, — раздался спокойный, низкий голос.

Я вошла. Кабинет был таким, каким я его и представляла: высокие потолки, стены, заставленные книжными шкафами, огромный письменный стол из темного дерева. Горел камин, несмотря на время дня, от него веяло теплом и запахом смолистых дров. За столом сидела Дамелия Арвентор.

Вблизи она казалась еще более внушительной. Серебристые волосы были убраны в строгую, но изящную прическу, подчеркивающую острые скулы и пронзительные глаза цвета зимнего неба. На ней было платье-мантия глубокого синего, почти черного цвета. Она не смотрела на меня. Она изучала какой-то документ, держа в руках перо. Минуту, другую. Тишину нарушал только треск поленьев и тиканье большого напольного часа в углу.

Наконец она отложила перо и подняла глаза.

— Адепт Верная. Садитесь.

Я опустилась на краешек кожаного кресла напротив стола.

— Вы понимаете, зачем я вас вызвала? — спросила она. Голос был тихим, но каждое слово звучало с металлической четкостью.

— Из-за... инцидента на балу, — выдавила я.

— «Инцидент». Любопытный термин для события, которое напугало половину академического состава, вывело из строя сложнейшую иллюзию Зала Небесного Свода и... — она сделала едва заметную паузу, — вынудило одного из адептов проявить весьма необычные способности на публике.

Я слотнула. Она знала. Конечно, знала.

— Я... я ничего не делала, — прошептала я. Ложь вышла жалкой и прозрачной.

— Не делали? — Ректор слегка наклонила голову. — Вы стояли в эпицентре. Вы смотрели на небо в тот момент, когда проявился древний узор. Вы находились в непосредственном физическом контакте с адептом Черным Вязом в момент его... трансформации. И вы утверждаете, что ничего не делали?

Ее взгляд был подобен скальпелю. Он снимал слой за слоем, добираясь до самой сути.

— Я не применяла магию, — сказала я уже чуть тверже. Это была полуправда. Я не применяла заклинаний.

— Магия, адепт Верная, имеет множество обликов. Иногда она принимает форму сильного чувства. Особенно у таких, как вы. Сердечные Узлы, — она произнесла название моего факультета с особым, весомым оттенком. — Что вы чувствовали в тот момент?

Это был прямой удар. Я замерла. Сказать правду? Рассказать о тоске из книги, о чувствии, о том порыве? Это было бы безумием. Это подтвердило бы мою причастность.

— Я... испугалась, — солгала я, опуская глаза. — Все произошло так быстро.

Наступила долгая пауза. Я чувствовала, как ее взгляд буравит макушку моей головы.

— Ясно, — наконец сказала Дамелия. Ее тон не изменился, не стал ни жестче, ни мягче. — Адепт Черный Вяз временно покинул академию по семейным обстоятельствам. Иллюзия Зала восстановлена. Официально произошедшее будет объявлено редким сбоем в работе магических кристаллов, усиленным коллективной истерией. Слухи улягутся.

Я подняла на нее глаза, не веря своему счастью. Меня... покрывают?

— Однако, — продолжила она, и это слово повисло в воздухе, холодное и тяжелое, — позвольте дать вам совет. Обещания, адепт Верная, часто имеют обратную сторону. Будьте осторожнее с теми, что даете... и с теми, что находите.

Она посмотрела прямо на меня. И в ее ледяных глазах я не увидела ни угрозы, ни гнева. Я увидела предостережение. И глубокую, усталую осведомленность. Она знала про книгу. Или догадывалась. Она не наказывала меня, потому что... что? Потому что я была частью чего-то большего, чего она тоже не до конца понимала?

— Вы свободны, — сказала ректор, снова опуская взгляд на бумаги.

Я встала, сделала неуклюжий полупоклон и почти выбежала из кабинета. На холодном каменном полу коридора я прислонилась к стене, пытаясь перевести дыхание. Ложь не сработала. Она видела насквозь. Но почему тогда отпустила? Ее слова «будьте осторожнее» звучали в ушах точь-в-точь как предупреждение Дейгара. Я вышла с ощущением, что меня не наказали не из милосердия, а потому что я стала пешкой в игре, правил которой не знала.

Решение пришло само, проросло сквозь страх и вину. Я должна его найти. Извиниться? Узнать правду? Спросить, что со мной не так? Не знаю. Но я не могла сидеть сложа руки.

Сначала я пошла на его факультет. Зал Теневой Защиты находился в самом старом крыле академии, в полуподвальном помещении, куда даже свет падал — косо, создавая вечные сумерки. В зале шло занятие. Несколько адептов в темных мантиях отрабатывали молчаливые перемещения в тенях, их фигуры то растворялись, то проявлялись в другом углу. Преподаватель, сурового вида женщина с лицом, изрезанным шрамами, внимательно наблюдала.

Я стояла в дверях, не решаясь войти. Один из тренирующихся, высокий парень с мрачным лицом, заметил меня. Он отделился от группы и подошел.

— Ты зачем? — спросил он без предисловий. Его голос был низким, недружелюбным.

— Я ищу Дейгара. Черного Вяза. Он здесь?

Парень нахмурился, его взгляд скользнул по моему алому шарфу.

— Его нет.

— А когда он будет? На следующем занятии?

— Он уехал. Надолго. Семейные дела.

Ответ был выучен, механистичен.

— Но... куда? Может, есть адрес? — я уже понимала, что это безнадежно, но нужно было попробовать.

— Нет адреса. И тебе с ним не по пути. Оставь, — он развернулся и ушел обратно в зал, оставив меня на пороге. Его слова прозвучали не как угроза, а как констатация непреложного факта.

Я проверила столовую в часы обеда. Его привычное место у дальнего окна было пусто. Я бродила по библиотеке, заглядывая в кабинки, где могли заниматься старшекурсники. Нигде.

Я вышла во внутренний двор, где адепты грелись на редком солнышке. И тут я увидела Кайрана, картографа. Он сидел на скамейке, разложив перед собой какие-то чертежи, но не смотрел на них. Он смотрел в небо, и на его обычно оживленном лице было выражение глубокой задумчивости. Рыжеволосая Фейра сидела рядом, но не ворчала, не чинила ничего. Она просто сидела, подперев голову рукой, и смотрела куда-то в пространство. Странности продолжались.

Я подошла к одному из фонтанов, где обычно собирались старшекурсники. И услышала обрывки разговора.

— ...Черный Вяз... старый род... говорят, они всегда были странными...

— ...ректор покрывает, ясное дело. У них там свои договоренности...

— ...лучше, что он уехал. С ним что-то нечисто...

Я отвернулась. Уехал. Скрылся. Растворился, как и тогда в зале. Стена, о которой я думала в первые дни после встречи в коридоре, оказалась не метафорой. Она была реальной и неприступной. Его не было. Ни здесь, ни, возможно, уже нигде в привычном мне мире.

Осознание накрыло волной отчаяния. Он скрылся. И я осталась одна с последствиями своего поступка, с тайной, которую наполовину выплеснула на всеобщее обозрение, с виной перед подругами и с ректором, которая явно знала больше, чем говорила. Поиски закончились ничем.

Ночь снова была долгой и беспокойной. Я ворочалась, не в силах найти удобное положение для тела или мыслей. В голове крутились обрывки: испуганные глаза Дейгара, холодный голос ректора, бледные лица подруг, шепот в коридорах.

Встала, зажгла свечу и подошла к столу. Под стопкой конспектов лежала книга. Тяжелая, молчаливая, опасная. Я вытащила ее. Прикосновение к переплету все еще вызывало слабое, тревожное покалывание.

Я открыла её снова. Не для того, чтобы плакать — я уже выплакала всё в подвале. Для того, чтобы понять. Теперь, когда я знала, кто такой Дейгар, когда видела своими глазами, что скрывается за его человеческим обликом, старые строки читались иначе. Я искала не боль, не тоску. Я искала ответ.

И нашла. Не в основном тексте, который я уже почти выучила наизусть, а на полях. Там, где чья-то рука, возможно самого летописца, возможно другого, более позднего читателя, вписала мелкие, нервные заметки.

«Стражи Врат. Не люди. Принимают облик, дабы не сеять панику.» — это я уже знала. Но дальше шло то, что я пропустила в прошлый раз, ослеплённая чужим горем:

«Их истинная форма — отражение мира, который они хранят. Крылья ночи, прожилки света... знак их связи с иной реальностью.»

Крылья ночи. Прожилки света. То, что на миг проступило сквозь Дейгара в бальном зале. Это было не проклятие. Это была природа.

Я жадно перелистнула дальше, пальцы дрожали. На следующей странице, на полях, почти стёршееся от времени:

«Обет Стражей — ждать Знака. Знак — не заклинание. Знак — это пробуждение связи, резонанс, отклик на их тоску с ЭТОЙ стороны барьера. Только тогда врата могут быть пересмотрены.»

Перечитала это трижды. Резонанс. Отклик на тоску. То, что я сделала в танце, даже не понимая. Не заклинание, не ритуал — просто... отозвалась. И этот отклик, по словам летописца, был тем самым Знаком, которого Стражи ждали тысячу лет.

Знак. Пробуждение связи. Резонанс. Отклик на тоску. То, что я сделала в танце. Не нарочно. Я просто... откликнулась. Его тысячелетнему одиночеству. Тоске из книги.

Я откинулась на спинку стула, свеча отбросила на стену огромную, трепещущую тень. Мысли складывались в ужасающую, но четкую картину.

Он не нападал. Он... проявился. Потому что я что-то разбудила. Не его злобу. Его природу. Древнюю и настоящую. Я подала тот самый Знак, которого они ждали тысячу лет. Случайно. По глупости. Из-за того, что слишком сильно что-то почувствовала.

И тогда все встало на свои места. Его предупреждение в коридоре: «Тоска... может разбудить то, что лучше спало». Он не угрожал. Он констатировал факт. Он знал, что я, со своей чувствительностью, могу это сделать. И я сделала.

Ректор сказала: «Будьте осторожнее с теми, что находите». Она знала про книгу. Она знала, что я что-то запустила.

А подруги... их странное состояние. «Отголоски», как сказал бы Дейгар. Мой эмоциональный взрыв, Знак, был такой силы, что докатился и до них, до тех, кто магически чувствителен к связям. Фейра и ее вещи. Элис и ее растения. Тэсс и ее диагностическое чутье. Все они получили ударную волну.

Вину сменило другое чувство. Не облегчение. Тяжелая, холодная ответственность. Я не просто ошиблась. Я активировала древний механизм, смысла которого до конца не понимала. Я затронула судьбы других людей. И теперь Дейгар, тот, кто должен был этот Знак получить, был в бегах, напуганный, возможно, в опасности.

Я не могла это оставить. Не могла просто сидеть и ждать, пока слухи улягутся, а подруги будут мучиться головными болями. Он не монстр. Он — Страж. И я разбудила его. Теперь я должна... что? Найти его. Убедиться, что с ним все в порядке. Понять, что делать дальше. Понять ВСЁ.

Я закрыла книгу, погасила свечу и легла в темноту, уставившись в потолок. Страх никуда не делся. Но теперь у него появилась конкретная цель, а не была просто размытой паникой.

ГЛАВА 5: ПОИСК И ОБРЕТЕНИЕ

Последние слова лектора о магической проводимости металлов пролетели мимо ушей. Внутри все сжалось в один напряженный узел. Мысль, четкая и неотвратимая, билась в висках: если он прячется, то там, где его не отличишь от фона. Где тень — не отсутствие света, а сама суть пространства. Зал Теневой Защиты.

Как только прозвенел звонок, я собрала вещи, не глядя по сторонам, и почти побежала. Сердце отдавалось глухими ударами где-то в горле. Корпус старого крыла встречал меня привычной прохладой и тишиной. С каждым шагом вниз по лестнице дневной свет сдавал позиции, сменяясь синеватым, призрачным свечением магических бра. Воздух стал другим — сухим, с едва уловимым металлическим привкусом, будто в нем только что сверкнула молния.

Я прижалась к холодной стене у поворота, откуда был виден вход. Массивная дверь, обитая черным, тусклым железом, выглядела как вход в склеп. Я ждала, затаив дыхание. Вот она открылась. Из нее бесшумно выплыли несколько фигур в темных мантиях. Они не разговаривали, лишь коротко перешептывались, их шаги не издавали ни звука. За ними появилась она — преподавательница, лицо которой было картой старых сражений. Ее взгляд, острый как бритва, метнулся в мою сторону, зацепился за алый шарф на моем поясе. Я замерла, ожидая вопроса, выговора, чего угодно. Но она лишь едва заметно кивнула, будто мое присутствие здесь было частью какого-то ее плана, и растворилась в полумраке коридора.

В животе похолодело. Она знала. Или догадывалась. Но времени на раздумья не было. Я подождала еще мгновение, пока коридор не опустел окончательно, и подошла к двери. Дерево под железом было холодным и шершавым. Я толкнула его.

Дверь отъехала беззвучно, и из щели хлынул воздух. Он ударил мне в лицо — не просто прохладный, а леденящий, сухой, и пах он... ничем. Нет, не так. Он пах озоном после разряда, слабой серой и чем-то глубинным, пустым, как вакуум между звезд. Я зажмурилась на секунду, делая первый шаг внутрь.

Когда я открыла глаза, то невольно слотнула. Пространство было огромным, низким, и весь свет в нем казался больным. Синеватое свечение бра не рассеивало мрак, а лишь подчеркивало его густоту, выхватывая из тьмы странные детали: черный, матовый, словно бархатный пол; такие же стены, поглощавшие звук; сводчатый потолок, терявшийся где-то в вышине. Мои шаги, обычно отдающиеся эхом, здесь тонули бесследно. Тишина стояла абсолютная, гнетущая, она давила на барабанные перепонки.

Страх, холодный и цепкий, пополз по спине. Это место было неестественным. Оно ломало привычные ориентиры. Здесь нельзя было понять, где стена, а где уже тень, где кончается пол и начинается тьма.

«Соберись, — прошептала я себе мысленно, сжимая дрожащие пальцы в кулаки. — Ты пришла не зря. Ищи.»

Я заставила себя двинуться вдоль стены. Ладонь скользнула по поверхности — шершавой, холодной, будто отполированной морозом. Я вглядывалась в полумрак. Следы присутствия были, но они были призрачными, как отпечатки на песке после прилива. На стенах — темные, будто выжженные изнутри пятна сложных, замысловатых форм. На полу — легкие, почти невидимые царапины, будто кто-то водил по нему острыми когтями. В дальних углах стояли манекены, обтянутые материалом, до жути похожим на человеческую кожу. У одного отсутствовала голова, у другого — рука по локоть. От них веяло таким немым, искусственным страданием, что по коже побежали мурашки.

Я обошла почти весь периметр, и отчаяние начало подниматься комком в горле. Ничего. Ни единой зацепки. Ни клочка бумаги, ни оброненного предмета. Он был слишком хорош.

Слишком чист. Может, я и вправду ошибаюсь? Может, он давно ушел, растворился в городе, а я ищу призрака в пустой комнате?

И в этот миг, в самом дальнем, самом темном углу зала, мой взгляд зацепился за хаос. Груда тренировочных матов была сброшена небрежно, неаккуратно. Так, как не стал бы делать педантичный уборщик или дисциплинированный адепт. Верхний мат лежал криво, один его угол был поднят. И из-под этого угла, слабо, но упрямо, пробивался блеск. Металлический. Холодный.

Все внутри меня замерло, а потом рванулось вперед. Пульс застучал в висках, в горле пересохло. Я подошла, медленно, как к спящему зверю. Наклонилась. Да, блеск. Я потянулась, ухватила край тяжелого, пропахшего старым потом и пылью мата и отшвырнула его в сторону с силой, которой сама от себя не ожидала.

На идеально черном полу лежал перстень.

Широкий, массивный, отлитый из темного, почти черного серебра. На его щитке была вырезана печать: стилизованные ворота, запертые в круг из переплетенных, узловатых корней. Никаких драгоценных камней. Только глубокая, чеканная работа, говорящая о невероятном возрасте. Перстень Дейгара. Тот самый, что я мельком видела на его мизинце.

Я не сразу решилась его взять. Рука дрожала. Что, если это ловушка? Что, если тронешь — и что-то случится? Но любопытство и та тяга, что вела меня сюда, оказались сильнее. Я протянула руку, пальцы дрогнули, и я схватила кольцо.

Металл был ледяным. Неприятно, до костей пронизывающе холодным. И тяжелым. Слишком тяжелым для своего размера.

И мир провалился.

Я стою не в зале. Я стою перед Вратами. Они огромны, выше всего, что я могу представить. Сделаны не из камня и не из света — из чего-то третьего, невыразимого. Они закрыты. А перед ними, спиной ко мне, стоит одинокая фигура в темном плаще. Он не двигается. Не дышит, кажется. Он просто смотрит на эти Врата. И от него, волна за волной, исходит... Тоска. Та самая. Из Хроник. Не эмоция, а физическая субстанция. Густая, удушающая, тысячелетняя. Тоска по утраченной связи. По разлученному целому. По дому, которого никогда не видел, но который помнит каждая клетка. Она давит на грудь, выжимает слезы, перехватывает дыхание.

Видение дернулось, затрещало по краям, как старый пергамент, и исчезло.

Я очнулась, стоя на коленях на холодном полу. В кулаке, так сильно сжатом, что кости ныли, ледяным грузом лежал перстень. Голова кружилась, в ушах стоял высокий, тонкий звон. Я сделала судорожный, шумный вдох, и запах озона снова ударил в нос.

«Холод металла и... бесконечная грусть», — пронеслось в помутневшем сознании.

Теперь я знала. Это был не просто потерянный предмет. Это был ключ. И печать. И крест. Он был здесь. Сидел в этом углу, в этой искусственной тьме, смотрел на это кольцо — символ своего долга, своей клятвы, своей тюрьмы. А потом... растворился. Испугался. Сбежал.

Я поднялась, ноги дрожали, но держали. Я сунула перстень в самый глубокий карман своего камзола. Он тут же начал отдавать холодом в бедро, назойливо, неумолимо, как немое напоминание: теперь у тебя часть его. Его боли. Его судьбы.

Я повернулась и пошла к выходу. Дверь закрылась за моей спиной так же бесшумно, как и открылась.

Теперь путь был один — к тому, кто знал все тайные тропы этого города. К Лорэну. Нужно было узнать, где прячутся тени, которые помнят.

Холод перстня в кармане был как живой укор, пульсирующий в такт шагам. Каждый встречный взгляд в коридорах казался прицельным. Я шла в библиотеку с ощущением, что несу на себе огромную, светящуюся табличку: «Воровка. Сообщница. Ищите здесь». Но идти было надо. Лорэн знал все. Или почти все.

Библиотека «Хранилище Памяти» встретила меня своим вечным, благоговейным сумраком. Запах старой кожи, воска и сухих трав, казалось, впитывал в себя всю суету внешнего мира. Здесь было тихо, но тишина эта была особой — насыщенной шелестом страниц, скрипом перьев, сдержанными вздохами мысли. Я прошла к своей привычной кабинке у стены, отгороженной от других высокими стеллажами, и опустилась на стул. Столешница под ладонями была прохладной и гладкой. Я положила руки перед собой, как ученица, и ждала.

Не пришлось долго.

— Ну-ну, — бархатный голос с легкой, узнаваемой хрипотцой прошелестел прямо у меня в левом ухе, отчего я невольно вздрогнула. — Птенец вернулся в гнездо. И с каким-то... новым блеском в глазах. Или это отражение украденного серебра?

Я мысленно закатила глаза, но внутри все сжалось. Он всегда знал слишком много.

— Привет, Лорэн, — ответила я ему в голову, стараясь, чтобы мысленный голос звучал спокойно. — Мне нужна помощь. Не с книгами.

— О-хо! — в его тоне зазвенела привычная ехидная нотка. — Личный запрос. Интригует. Ты нашла свою пропавшую тоску и теперь хочешь найти для нее... подходящую рамку? Или темную нишу?

— Я нашла кое-что, — осторожно сказала я, опуская руку в карман и касаясь холодного металла. — И теперь мне нужно найти... место. Где свет — редкий гость. Где город прячет то, о чем старается забыть.

Наступила пауза. Длинная. Давящая. Ощущение незримого присутствия, обычно легкое, как дуновение, стало тяжелее, плотнее, будто воздух в кабинке сгустился. Веселая ехидца испарилась без следа.

— Ты лезешь, дитя, не в свой шкаф, — прозвучало наконец. Голос был низким, сухим, без единой игривой нотки. — Ты спрашиваешь не о заброшенной беседке в саду. Ты спрашиваешь о Сути. О местах, где тень ложится на камень и не встает веками. Где она впитывает память стен.

Мне стало холодно. Но я кивнула, будто он мог это видеть.

— Да. Именно об этом.

— Глупая, — прошептал голос, и в этом шепоте было не осуждение, а что-то похожее на старую, усталую печаль. — Ладно. Слушай. За восточной стеной Старого Города, там, где мостовые сужаются, а фонари горят через один, есть квартал старых амбаров и винных лавок. Большинство заброшены. Ищи знак — вывеску. На ней должна быть потускневшая амфора и над ней — треснувший колокол. Под этой вывеской будет дверь. Неприметная. Она ведет вниз. В старые винные погреба Зареченска. Там, куда не доходит гул рынка и смех с набережной. Там свет — редкий, незванный гость. А тени... — он сделал паузу, и воздух будто похолодел, — там тени самые настоящие. Городские кости. Основа, на которую нарастили все это, — он обвел незримым жестом, должно быть, все здание библиотеки, весь город.

Я зажмурилась, стараясь запечатлеть в памяти каждое слово: восточная стена, амфора, треснувший колокол, погреба.

— Спасибо, — мысленно выдохнула я.

— Не благодари, — его голос снова стал ехидным, но натянуто, будто через силу, сквозь ту самую печаль. — Благодари, если выберешься оттуда на своих двоих, с целой душой и не тронутым умом. И запомни мое последнее предупреждение, дитя. Там, куда ты собралась, полы скользкие не только от влаги и плесени. Некоторые двери, стоит их приоткрыть, захлопнуться уже не смогут. И не все тени там — просто отсутствие света. Некоторые... — он снова замолчал, и тишина стала звенящей, — некоторые помнят. И ждут, чтобы их вспомнили.

Ощущение его присутствия растаяло так же внезапно, как и появилось. Я осталась сидеть одна в кабинке, на пальцах выстукивая нервный ритм по прохладному дереву стола. По спине пробежал холодок, не от сквозняка, а от его слов. «Не закроются». «Помнят». Это звучало как

эхо. Эхо предупреждений Дейгара в коридоре и многозначительных слов ректора. Я не шла на поиски приключений. Я шла разматывать клубок, который, возможно, тянулся тысячу лет.

Я вынула руку из кармана, разжала пальцы. Ладонь была влажной от пота, но в памяти отчетливо чувствовался холодный, тяжелый контур перстня. Карта была получена. Теперь оставалось самое страшное — спуститься и посмотреть в лицо тем теням, что помнят.

Сумерки застали меня у восточной стены. Воздух здесь пах иначе — не академической пылью и озоном, а речной сыростью, старым деревом и дымом из труб низких, приземистых домов. Фонари зажигались нехотя, отбрасывая робкие круги света. Я шла быстро, стараясь не привлекать внимания. Взгляды редких прохожих были усталыми, равнодушными.

Я искала знак. Вывески здесь были темными, полустершимися. Вот скрещенные ключи — слесарь. Бочка — винная лавка. И тут, в глубокой нише между двумя зданиями, я увидела ее. Деревянная доска, почерневшая от времени. На ней едва угадывались контуры амфоры с отбитым горлышком, а над ней — колокол с четкой, расходящейся трещиной. Знак.

Под вывеской, почти сливаясь со стеной, была дверь. Низкая, из толстых дубовых досок, скрепленных коваными полосами. Ручка — простая железная скоба. Я оглянулась. Улица была пуста. Сердце колотилось где-то в горле. Это было оно. Место, где свет — гость.

Я толкнула дверь. Сначала она не поддавалась, потом со скрипом и стоном отъехала внутрь, открыв черный провал. Из него пахло в лицо воздухом, которого не чувствовалось на улице — тяжелым, затхлым, пахнущим плесенью, влажным камнем и чем-то кислым, как прокисшее вино.

Я достала светляковый камень. Его мягкое зеленоватое свечение рассеяло мрак лишь на пару шагов вперед. За дверью начиналась лестница, уходящая вниз. Ступени, стертые посередине, были скользкими от конденсата. Я начала спускаться.

С каждым шагом звуки улицы умирали, сменяясь гнетущей, абсолютной тишиной. Только мои шаги, мое дыхание и далекий, одинокий звук падающей капли — тук... тук... тук. Воздух становился холоднее, гуще, им было тяжело дышать. Я спускалась, казалось, вечность, прижимаясь спиной к холодной, мокрой стене.

Наконец лестница кончилась. Я оказалась в огромном подземном зале. Сводчатый потолок терялся в темноте над головой, куда не доставал свет камня. Ряды гигантских дубовых бочек, покрытые толстым слоем пыли и паутины, стояли, как молчаливые стражи. Некоторые прогнили, из них сочилась темная, липкая жидкость, усугубляя удушливый запах. Между рядами стояли лужи стоячей воды, в которых тускло отражалось зеленоватое свечение.

Я замерла, слушая тишину. Она была не мирной. Она была выжидающей. Вязкой, будто сама тьма давила на барабанные перепонки. Лорэн предупреждал: полы скользкие не только от влаги. Я сделала шаг вперед. Вода хлюпнула под ботинком, звук гулко отразился в пустоте. Я пошла дальше, вглубь лабиринта погребов.

Светляковый камень выхватывал из мрака обломки прошлого: груды битого кирпича, ржавые обручи от бочек, осколки бутылок. Я шла осторожно, обходя лужи, но ботинки все равно промокли, и холодная влага просочилась к носкам. Страх, который я гнала от себя, начал возвращаться, холодными мурашками бежал по спине. Что я здесь делаю? Одна. В подземелье. Ищу существо, которое в лучшем случае напугано, а в худшем...

Я сжала в кармане перстень. Холод металла был единственной реальной точкой опоры. Вспомнила видение. Его одиночество перед Вратами. Он был здесь. Где-то в этой тьме. Прятался, потому что я заставила его проявиться. Я не могла уйти.

— Дейгар? — позвала я тихо, и мой голос был немедленно поглощен сырой мглой. — Это я. Лиара.

Ответа не было. Только плеск воды под ногами и далекий скрип дерева — то ли от бочки, то ли от чего-то еще.

Я двинулась дальше, глубже. Тишина сгущалась. Казалось, даже воздух перестал двигаться. И тогда, в конце очередного бесконечного ряда, я увидела слабый отсвет. Не зеленый, как у меня. Тусклый, синеватый, мерцающий. Как свет гнилушки или холодного пламени.

Я замерла, потом погасила свой камень. Светлячок умолк, и тьма навалилась с такой силой, что я на мгновение ослепла. Потом глаза начали привыкать. Тот синий свет был моим единственным ориентиром. Я пошла на него, обходя последние бочки, стараясь не споткнуться.

И нашла его.

В небольшой нише, отгороженной от основного зала грудой обломков кирпича и камня, горела крошечная магическая свеча. Ее пламя было холодным, синим, без тепла, и отбрасывало на стены длинные, дрожащие тени. В свете этой свечи, сидя на перевернутом ящике или обломке капители, был он.

Дейгар.

Я замерла на краю круга света. Он выглядел... разбитым. Его темный камзол был покрыт пылью и следами чего-то темного, возможно, земли или сажи. На щеке темнела ссадина. Его всегда безупречные черные волосы были в беспорядке, непослушная прядь падала на лоб. Но самое страшное — его глаза. Они были потухшими. В них не было ни ужаса, который я видела в зале, ни привычной ледяной отстраненности. Только глубокая, всепоглощающая, тысячелетняя усталость.

Он не был удивлен. Он поднял на меня взгляд, когда я появилась на краю света, и в его глазах не вспыхнуло ничего. Ни гнева, ни страха, ни вопроса. Просто констатация факта: пришла. Как будто он ждал. Как будто знал, что я найду.

Мы молча смотрели друг на друга. Звуки погребя — редкая капля, тихое потрескивание свечи — казались оглушительными в этой тишине. Я не знала, что сказать. «Извини»? Слишком мелко. «Как ты?» — глупо.

Я вынула руку из кармана и разжала пальцы. На моей ладони лежал его серебряный перстень. Он блеснул тускло в синем свете.

— Я нашла это. В твоём зале, — сказала я. Мой голос прозвучал хрипо, непривычно громко.

Он перевел взгляд с моего лица на перстень. Его губы, тонкие и бледные, чуть дрогнули.

— Зачем? — его голос был глухим, безжизненным, как скрип двери в пустом доме. — Чтобы вернуть? Это ничего не изменит.

— Нет, — я качнула головой, делая шаг внутрь круга света. Холод от свечи веял на кожу. — Не чтобы вернуть. Чтобы понять. Я прочитала книгу. Хроники. Я... я поняла. Про Стражей. Про врата. Про то, что случилось.

Теперь в его глазах что-то промелькнуло. Быстрая, острая вспышка боли. И — настороженность. Как у зверя, которого тронули в рану.

— Ты ничего не поняла, — он отвернулся, уставившись на холодное пламя. — Ты просто впуталась в то, что тебя сожрет. Как мотылек в пламя. Уйди, пока можешь.

Его слова должны были оттолкнуть, испугать. Но они почему-то разозлили меня. Злость, горячая и ясная, прорвалась сквозь страх и вину.

— Я не хотела этого! — выпалила я, и голос сорвался на почти крик. Эхо прокатилось по погребу. — Я не хотела тебя выставить на всеобщее обозрение! Но теперь я все равно впуталась! И я не могу просто уйти! Я вижу, что с тобой! Я вижу, что с моими подругами! Я чувствую, что натворила! Я должна знать! Расскажи мне. Про Стражей Врат. Про то, что было тогда. Про... про все. Про то, почему ты здесь.

Он медленно повернул ко мне голову. Усталые глаза изучали мое лицо, искали ложь, игру, слабость. Я не отводила взгляда, хотя внутри все трепетало.

— Зачем тебе это? — спросил он тише. — Чтобы написать доклад? Чтобы удовлетворить любопытство?

— Чтобы исправить! — крикнула я уже почти в отчаянии, и голос снова сорвался. — Я не могу это так оставить! Я разбудила что-то, и теперь все болит — и ты, и они! Я должна знать, что делать!

Последние слова повисли в воздухе, смешавшись с запахом плесени и холодного воска. Я стояла, тяжело дыша, с протянутой рукой, на которой лежал его перстень — символ всей этой катастрофы.

Он долго смотрел на меня. Минуту. Две. Время в погребѣ словно остановилось. Потом он медленно, будто каждое движение давалось с невероятным трудом, поднял руку. Его пальцы, длинные и бледные, коснулись моей ладони, взяли перстень. Прикосновение было ледяным.

Он натянул кольцо на мизинец, привычным жестом повернул щиток с воротами наружу. Потом вздохнул. Длинно, глубоко, как будто этот вздох копился в нем не одну ночь, а все тысячу лет.

— Садись, — сказал он тихо, указывая на другой обломок камня рядом. — Если уж ты здесь. Рассказывать придется долго.

В этих словах, в этой усталой покорности, я слышала не конец. Я слышала начало. Начало договора. Начало союза. Двое по разные стороны древней тайны теперь оказались по одну. Лицом к лицу с правдой, которую им предстояло узнать вместе.

ГЛАВА 6: ИСПОВЕДЬ СТРАЖА

Я опустилась на указанный обломок камня. Холод и влага мгновенно просочились сквозь ткань юбки, заставив меня вздрогнуть. Я поджала ноги под себя, стараясь найти хоть какое-то устойчивое положение. Дейгар не смотрел на меня. Его взгляд, тусклый и направленный внутрь себя, был прикован к темноте за пределами синего круга свечи. Казалось, он видел там не сырые стены погребца, а разворачивающиеся свитки давно минувших эпох.

Молчание тянулось так долго, что я уже начала думать, передумал ли он. Но вот он начал говорить. Его голос звучал не так, как в коридоре или на балу. Не низкий и ровный, а какой-то... выветренный. Монотонный, лишенный всяких интонаций, как зачитываемый вслух застарелый, давно оплаканный приговор.

— Вы спрашиваете, кто мы, — он произнес это не как вопрос, а как констатацию. — Мой род. Черный Вяз. Мы не из Аркании. Мы пришли сюда, когда ваши легендарные основатели только начинали чертить первые руны на стенах пещер. Когда магия для них была дикой силой, которую боялись и обожествляли.

Он сделал паузу, и в тишине было слышно, как потрескивает воск холодной свечи.

— Мы пришли не как завоеватели. Мы были... посланцами. Наблюдателями. Некоторые называют нас Хранителями Связей, — он чуть повернул голову, и его взгляд скользнул по моему лицу, будто проверяя, понимаю ли я. — Миры, Лиара. Их много. Не только ваш и не только наш. Они... переплетены. Как корни в старом лесу. Одни питают другие. Между ними есть пути. Врата. Наша задача была — следить за этими вратами. Поддерживать их в... рабочем состоянии. Не давать путям зарастить. Гарантировать, что знание, свет, сама жизнь могут течь туда и обратно.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. В голове проносились картинки из Хроник: упоминания о «братьях по ту сторону», о «потоках иного света».

— Это длилось века, — продолжил он, и в его голосе впервые прозвучала усталость, не сегодняшняя, а накопленная, как пыль на полках. — А потом... случился Разлом. Не землетрясение. Не война богов. Истерия. Паника. Страх перед неизвестным. Что-то пришло с одной из дальних ветвей... или ушло. Не важно. Важные архимаги того времени, те, кто стоял у руля вашего молодого мира, решили, что безопасность превыше всего. Что лучше отрезать больную ветвь, чем рисковать всем деревом.

Он сжал кулак, на мизинце которого блеснул перстень.

— Они решили ЗАКРЫТЬ врата. Наглухо. Навеки. Создать барьер, который отрежет Арканию от всего остального. И они создали его. То, что вы называете Изумрудным куполом. Ваше небо. Ваша тюрьма.

Последнее слово он произнес с такой ледяной четкостью, что меня передернуло.

— Но магии одной им было недостаточно, — продолжал он, и его тон стал суше, жестче. — Чтобы печать держалась тысячелетия, нужна была... живая скрепа. Клятва. Гарантия от тех, кто знал, как устроены врата. От Стражей. Они пришли к нам. Предложили сделку. Новый обет. Мы должны были поклясться хранить молчание. Не пытаться открыть врата. Ждать. Ждать Знака с ЭТОЙ стороны. Знака, что Аркания снова готова к встрече с бесконечностью. А они... они оставляли нас здесь. На этой стороне. В качестве живых замков. Вечных хранителей того, что сами же и запечатали.

Он замолчал, и пауза затянулась. Я видела, как напряглись его скулы, как сомкнулись челюсти. В его неподвижности была такая сила сдержанной ярости и боли, что стало не по себе.

— Не все согласились, — наконец выдохнул он. — Были те, кто предпочел смерть такому рабству. Но большинство... большинство испугалось. Их пугало неизвестное по ту сторону. Нас пугали они. И их сила в тот момент была... подавляющей. Мы дали клятву. А они...

они запечатали врата за нашими спинами. Оставили нас здесь. Вырождаться. Забывать. При-
творяться людьми в мире, который боится нас, даже не зная, чего именно боится.

Он поднял руку, посмотрел на перстень. Синий свет свечи играл на темном серебре.

— Тысяча лет, Лиара. Мой род. Последние из оставшихся. Мы вымираем. Нас называют
людьми, мы носим вашу одежду, учимся в ваших школах. Но мы — не вы. Мы — Стражи без
Врат. Обещанные хранить то, что уже запечатано. Ждать Знака, который, как мы думали, мир
давно забыл и в который уже не верил.

И тогда он, наконец, повернулся и посмотрел на меня прямо. В его глазах, в этой неесте-
ственной синей тени, не было ничего, кроме той самой тоски — древней, всепроникающей,
выжженной в самую душу.

— До твоего бала, — тихо, но отчетливо закончил он. — До того, как ты посмотрела на
фальшивое небо и почувствовала нашу боль. И ответила на нее.

Его слова не звучали как обвинение. Это был факт. Тяжелый, неумолимый, как пада-
ющий камень. Я не просто прочитала о тоске в старом дневнике. Я сидела в двух шагах от
ее живого, дышащего, страдающего воплощения. И я была причиной того, что это страдание
вырвалось наружу.

После его слов в погребке воцарилась тишина, но теперь она была иной. Не пустой, не
давящей, а густой, насыщенной только что обрушившимся знанием. Она звенела у меня в
ушах, пульсировала в висках вместе с ударами сердца. Я сидела, сгорбившись, обхватив колени
руками, и пыталась осмыслить масштаб. Не просто старая, печальная история. Не миф для
эссе. Правда. Правда, которая касалась всего моего мира. Всего, что я знала.

Купол — не щит. Тюрьма. Искусственная, добровольная тюрьма, в которую мы сами себя
заточили из страха.

И эти существа... Стражи. Не монстры. Жертвы. Жертвы нашей же трусости и недалё-
ководности. Прикованные к нашему миру обещанием, которое стало для них проклятием.

Я подняла на него взгляд. Он снова уставился в темноту, его профиль в синем свете
казался вырезанным из темного льда.

— А что... что будет, если Купол падет? — спросила я, и мой голос прозвучал хрипло,
чужим. — Если врата откроются?

Он медленно перевел на меня взгляд.

— Не «если», — поправил он. — «Когда». После того Знака, что ты подала, печать дрог-
нула. Процесс запущен. Его уже не остановить, — он помолчал. — Что будет? Возвращение
связей. Новые знания. Новые друзья. И, возможно, новые враги. То, от чего ваши предки бе-
жали. Бесконечность. Страх перед ней не исчез, Лиара. Он просто уснул на тысячу лет. А ты
его разбудила.

В его словах не было упрека. Была усталая констатация. Но от этого не стало легче.

— А они? Там? Они... живы? — выдохнула я, имея в виду его мир, других Стражей.

На его лице промелькнула тень чего-то сложного. Тоски? Надежды?

— Не знаю. Тысяча лет — долгий срок. Связь была разорвана. Но если наш род еще
дышит здесь, значит, искра там тоже не угасла. Значит, они тоже ждали, — он снова посмот-
рел на меня. — Твой... порыв. В танце. Он был очень сильным. Он прошел сквозь печать. Я
почувствовал его не как магию. Как... зов. Такого не было никогда.

Я сглотнула. Значит, я не просто «сделала что-то». Я позвала. Невольно, от всего сердца,
но позвала. И этот зов услышали.

— И что теперь? — спросила я, чувствуя, как нарастает паника. — Что нам делать?

— «Нам»? — он приподнял бровь, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на горькую
усмешку.

— Да, нам! — я выпрямилась, и голос зазвучал тверже, чем я ожидала. — Я же впуталась! Я все это начала! Я не могу просто... узнать и уйти! И ты... ты же не хочешь, чтобы все закончилось новой паникой и чтобы вас снова объявили чудовищами, правда?

Он изучал меня долгим, пронзительным взглядом. Казалось, он взвешивал каждое мое слово, каждую эмоцию на лице.

— Нет, — наконец сказал он тихо. — Не хочу. Но одного желания мало. Нужен план. И гарантии.

— Какие гарантии? — насторожилась я.

— Что ты не побежишь завтра к ректору со всей этой историей. Что ты не начнешь рассказывать своим подружкам за чаем. Что тайна останется тайной, пока мы не будем готовы.

Я замерла. Он требовал молчания. Полного и безоговорочного. А я уже столько наговорила Лорэну... и подруги видели мое состояние. Но рассказать им ВСЮ правду? Нет. Не сейчас.

— Я не расскажу, — сказала я твердо. — Но мне нужна... уверенность. Что мы действуем не просто так. Что у нас есть шанс.

— Шанс есть, — сказал он. — Ты его и дала. Но теперь нужно им правильно воспользоваться. И для этого... нам нужен союз. Не на словах. На деле.

Он медленно поднял руку, посмотрел на свой перстень, потом на меня.

— Контракт, Лиара. Магический контракт наших факультетов. Сердечные Узлы и Теневая Защита. Клятва не лгать друг другу. Клятва чувствовать сокрытие. Гарантия, что никто из нас не предаст.

Ледяная волна страха прокатилась по мне. Связать себя магически? С ним? Но... разве у меня был выбор?

Слово «контракт» повисло в воздухе между нами, тяжелое и неумолимое, как железная дверь, захлопывающаяся в подземелье. Я отпрянула, будто меня ударили.

— Контракт? — переспросила я, и голос мой дрогнул. — Магический? Как... как на лекциях по праву?

Он кивнул, не отводя взгляда. Его глаза в синем свете были похожи на два темных омута, в которых тонули все мои возражения.

— Не совсем. Те контракты — для сделок и обещаний между людьми. Этот... глубже. Он использует саму суть наших факультетов. Твои Узлы — для создания связей, чувствования правды в них. Моя Тень — для скрытия, для защиты тайн. Вместе... они могут создать связь, где ложь будет ощущаться как боль. Где сокрытие будет звенеть тишиной в голове у другого.

Меня охватил ужас. Это звучало как насилие. Как вскрытие души без спроса.

— Ты хочешь, чтобы мы читали мысли друг друга? — выдохнула я.

— Нет, — он покачал головой. — Мысли — нет. Только искренность. Только факт лжи или умалчивания. Это не доверие, Лиара. Это необходимость. Доверие — роскошь, на которую у нас нет времени. Нам нужна гарантия. Мы вступаем в игру, где ставка — судьбы миров. Я не могу рисковать, что ты в какой-то момент испугаешься и побежишь рассказывать все первому встречному. А ты... — он сделал паузу, — ты не можешь рисковать, что я использую тебя и исчезну в тенях, оставив тебя одну разбираться с последствиями.

Он был прав. Черт возьми, как же он был прав. Но от этого не становилось легче. Мысль о такой связи, о такой потере приватности, о том, что кто-то будет чувствовать, когда я солгу... это было чудовищно.

— А если я откажусь? — спросила я, уже зная ответ.

— Тогда наш союз закончится здесь, — сказал он просто. — Я уйду. Буду скрываться дальше. А ты останешься со своим знанием, со своей виной, со своими подругами, которые страдают от твоего же неконтролируемого дара. И когда следующий «отголосок» проявится, а

он проявится, ты будешь гадать в одиночку, что делать. И, возможно, наделаешь еще больше ошибок.

Он не угрожал. Он описывал вероятное будущее. И оно было мрачным.

Я закрыла глаза, пытаясь унять дрожь в руках. Внутри бушевала война. Гордое, дикое «нет» упиралось в холодное, логичное «да». Страх перед несвободой — в еще больший страх перед одиночеством и катастрофой.

— А ты? — открыла я глаза. — Тебе не страшно? Ты же тоже будешь связан. Я буду чувствовать, если ты солжешь.

На его губах дрогнуло что-то, отдаленно напоминающее улыбку. Безрадостную.

— Я тысячу лет живу с клятвой, которая сжимает мою душу как тиски. Еще один внутренний надзиратель... что он изменит? — Он пожал плечами. — Но да. Мне страшно. Потому что я не знаю, что ты почувствуешь во мне. И не хочу, чтобы ты это чувствовала.

Я представила на миг, как это будет. Сiju в столовой, пытаюсь улыбнуться Фейре, сказать, что все в порядке. А в груди — ледяной укол. Он, где бы ни был, почувствует эту ложь. Узнает мой страх. Это было как мысленное раздевание догола перед незнакомцем. Ужас зашевелился в животе, холодный и тошнотворный. Но рядом с ним стоял другой страх — тот, что нарисовал он: я одна в комнате, а за окном небо трещит по швам, и я не знаю, как его починить. Страх одиночества в катастрофе оказался сильнее страха перед связью.

Его честность обезоружила. Он не притворялся бесстрашным. Он так же боялся этой связи, как и я. Но шел на нее, потому что иного выхода не видел.

Я посмотрела на свечу. Ее холодное пламя колыхалось в неподвижном воздухе погребя. Выбора не было. Не было. Мы загнали друг друга в угол.

— Хорошо, — прошептала я, и слово вышло хриплым, чужим. — Делай. Что нужно?

Он не ответил словами. Он встал — движение было плавным, несмотря на усталость, — и провел рукой над холодным пламенем свечи. Пламя дрогнуло, вытянулось в тонкую, синюю струйку, а затем разделилось на две. Две идентичные свечи теперь горели на каменном выступе. Он взял одну, протянул вторую мне.

— Держи.

Я взяла свечу. Воск был холодным, как лед, но не таял. Пламя не жгло, лишь отдавало легким холодком в ладонь.

— Встань напротив.

Я поднялась. Мы стояли друг напротив друга в узком круге синего света, разделенные лишь шагом. Его лицо в этом свете казалось резким, нечеловеческим, но глаза... в них была только сосредоточенность.

— Положи свободную руку сюда, — он прижал свою левую ладонь к груди, над сердцем. Я сделала то же самое. Под пальцами чувствовался частый, тревожный стук собственного сердца.

— Теперь — протяни руку со свечой.

Я протянула правую руку вперед. Он сделал то же. Наши свечи встретились в центре, пламена слились в одно большое, холодное синее сияние. От него повеяло не теплом, а странной, тягучей пустотой.

— Повторяй за мной, — сказал он тихо, и его голос обрел странный, ритмичный оттенок. — Клянусь светом, что видит тайну...

— Клянусь светом, что видит тайну... — повторила я, и слова, казалось, зависли в воздухе, обретая вес.

— ...и тенью, что хранит ее...

— ...и тенью, что хранит ее...

— ...связать наши слова правдой.

— ...связать наши слова правдой.

— Отныне меж нами не будет лжи, — его голос стал тверже.

— Отныне меж нами не будет лжи...

— Только что сокрыто — пронзит как клинок.

Я сглотнула, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

— Только что сокрыто — пронзит как клинок.

В тот миг, когда последнее слово слетело с моих губ, пламя свечей вспыхнуло ослепительно-синим. Не светом, а скорее вспышкой холода, который пронзил меня насквозь. Я вскрикнула, но звук застрял в горле. От точки, где слились свечи, в мою грудь, прямо к ладони, прижатой над сердцем, ударила тонкая, раскаленная игла боли. Не огненной — ледяной, пронизывающей. Она вошла внутрь и застыла там, как проволока, натянутая до предела.

Я отшатнулась, свеча выпала из ослабевших пальцев и погасла, упав на пол беззвучно. Я сжалась, ожидая, что боль разорвет грудь. Но нет. Она была. Постоянная, жгуче-холодная, но терпимая. Как шрам от ожога, который ноет при каждом движении. И от нее... тянулась нить. Тонкая, невидимая, но осязаемая на каком-то ином уровне восприятия. Нить, которая уходила от моего сердца к нему.

Я подняла на него глаза. Он стоял, тоже дыша неровно, одна рука сжимала свечу (его пламя тоже погасло), другая была прижата к груди. Его лицо исказила гримаса боли и... шока. Кажется, он не ожидал, что будет так сильно.

— Что... что это? — прошептала я, касаясь пальцами груди. Кожа была цела, но под ней пульсировала эта ледяная линия.

— Контракт, — хрипло ответил он. — Связь. Теперь... теперь если ты солжешь мне, или скроешь что-то важное для нашего дела, я почувствую. Как укол. И ты почувствуешь, если солгу я.

Он говорил правду. Я чувствовала это. Не только его слова, а саму их истинность. Как легкий, отдающий эхом укол в той самой «проволоке». Это было жутко. Невыносимо жутко.

— Как будто между нашими сердцами протянули раскаленную проволоку, — выдохнула я, описывая ощущение. — Больно... и невозможно игнорировать.

В тишине погреб я вдруг осознала кое-что еще. Кроме боли, по этой нити шло... что-то. Не мысль. Отзвук. Смутное, далекое ощущение — тяжелая, каменная усталость, в которой тонули все его эмоции. Это было его. Его фон. И он, должно быть, чувствовал мой — вихрь страха, вины и упрямого, недоуменного «ну что ж, ладно». Мы не просто обязались не лгать. Мы стали навязчиво, физически ощутимы друг для друга. Исчезнуть друг для друга было уже невозможно.

Он тем временем кивнул, опуская руку. Его дыхание выравнивалось, но в глазах еще стоял тот же шок.

— Да. Именно так, — он помолчал. — Добро пожаловать в союз, Лиара Верная.

В его голосе не было ни торжества, ни злорадства. Была только та же тяжелая, разделенная теперь на двоих необходимость. Мы стояли в полумраке погреб, связанные не доверием, не дружбой, а болью и страхом. И ледяной нитью магического контракта, которая навсегда изменила расстояние между нами.

ГЛАВА 7: НЕУКЛЮЖИЕ СОЮЗНИКИ

Утро после ритуала в погребке встретило меня свинцовой тяжестью за грудной костью. Это не была боль. Это было напоминание. Постоянное, назойливое, как тиканье часов в ночной тишине. Связь. Она была здесь, внутри, холодной нитью, протянутой сквозь сердце в неизвестном направлении — к нему.

На лекцию по основам эфирных потоков я шла, чувствуя себя идущей по канату. В аудитории я заняла свое обычное место у окна. И почти сразу же почувствовала легкое покалывание в той самой точке груди, едва уловимое, как дуновение. Я подняла взгляд.

Дейгар входил в аудиторию. Он выглядел как обычно — безупречный, отстраненный, темная фигура на фоне светлых стен. Но его взгляд, скользнув по залу, на секунду задержался на мне. Не дольше, чем на других. Но нить дрогнула, отозвавшись слабым, холодным эхом узнавания. Он почувствовал мое внимание. И я почувствовала... его настороженность. Легкую, как рябь на воде.

Он прошел к своему привычному месту в последнем ряду, но не сел у окна. Он сел через проход от меня, на соседний ряд, оставив между нами лишь узкий проход и два пустых места. Это было не случайно. Это было правило. Теперь мы должны были быть рядом. Для контракта. Для видимости. Для чего-то еще.

Я опустила глаза на конспект, чувствуя, как по щекам разливается жар. Все вокруг — шепот однокурсников, скрип перьев, монотонный голос лектора — казалось приглушенным, далеким. Весь мой мир сузился до этой тонкой, ледяной нити и мужчины в трех метрах от меня, от которого теперь исходил едва уловимый фон — сосредоточенное, слегка раздраженное внимание.

Лектор, мастер Велор, ходил у доски, что-то чертя в воздухе.

— Адепт Верная, — его голос, резкий и сухой, вонзился в мои мысли. — Продолжите. Каков основной принцип стабилизации потока третьего порядка в условиях эфирного разрежения?

Я замерла. Я вообще не слышала вопроса. В голове пустота, залитая странным осознанием присутствия Дейгара. Я почувствовала легкий, насмешливый толчок по этой нити — не его, а скорее... самой связи? Она как бы говорила: «Внимание, ложь приближается».

Я открыла рот, чтобы сказать: «Я не расслышала, мастер». Но это была бы полуправда. Я не слушала вовсе. Связь отозвалась легким, предупреждающим покалыванием. Ложь. Пусть и белая.

Я сглотнула.

— Я... не могу ответить, мастер Велор, — выдавила я, чувствуя, как жар на щеках становится невыносимым. — Я отвлеклась.

Покалывание тут же стихло, сменившись... чем? Нейтральным ожиданием? Я не могла это расшифровать.

Скамья рядом дрогнула. Дейгар, сидевший рядом, чуть кашлянул в кулак. Через нить донеслась короткая, быстрая волна — не смех, а что-то вроде... удовлетворенного понимания. «Молодец, не соврала».

Велор хмыкнул, недовольный, но удовлетворенный честностью.

— Уделяйте больше внимания теории, адепт Верная, а не созерцанию погоды за окном. Садитесь.

Я рухнула на место, чувствуя себя полностью разоблаченной. Но не перед Велором. Перед ним. И перед этой демоновой нитью в груди. Первый день, первый тест. Контракт работал. И это было ужасно неудобно. И в то же время... странно обнадеживающе. Он был здесь. Он чувствовал. Я не была одна в этом вранье.

Я украдкой взглянула на Дейгара. Он смотрел на доску, его профиль был непроницаем. Но через ту самую нить я чувствовала слабый отзвук его мыслей — не содержание, а качество: легкое раздражение на отвлекающие факторы (меня?), смешанное с привычной, глубокой сосредоточенностью на предмете. Это было сюрреалистично. Я сидела на лекции и буквально чувствовала, как кто-то другой сосредоточен на магических потоках. Моя собственная паника и смущение казались на его фоне такими... мелкими, студенческими.

Уголок его рта дрогнул — почти неуловимо. И через ту же нить пришел очередной толчок, на этот раз окрашенный сухой, едва уловимой усмешкой. Будто он поймал мою мысль. Я резко отвернулась, уставившись в конспект, в котором уже не видела ни буквы. Этот день обещал быть очень, очень долгим.

Последний звонок прозвучал как благословение. Я схватила вещи и ринулась к выходу, надеясь раствориться в толпе. Холодная нить в груди дернулась — коротко, вопросительно. Я замедлила шаг, обернулась. Дейгар стоял у своей скамьи, не спеша собирая пергаменты. Его взгляд встретился с моим. Не слова, не кивка. Просто взгляд. И через контракт — четкий, невербальный импульс: Останься.

Я замерла у двери, пропуская поток студентов мимо себя. Когда аудитория опустела, он подошел. Его шаги были бесшумными, как всегда.

— Нам нужно обсудить план, — сказал он без предисловий, отводя меня в дальний угол пустой аудитории, подальше от открытой двери. Его голос был низким, деловым. — Твой... инцидент на балу не остался незамеченным. Ректор предупредила. Комитет по Стабильности уже шныряет вокруг. Нам нельзя быть пассивными.

Я кивнула, стараясь выглядеть собранной.

— Я думала об этом. Нам нужно рассказать кому-то. Тому, кто может помочь. Ректору, например. Она же вроде на нашей стороне?

— Нет. — Его ответ был резким, как удар хлыстом. По контракту ударила волна холодного, острого страха — не за себя, а за что-то большее. Он тут же подавил его, но эхо осталось. — Нельзя. Она может быть симпатизирующей, но ее первая обязанность — стабильность Академии и Купола. Она изолирует нас. Посадит под домашний арест для «нашего же блага». Или, что хуже, передаст Комитету для «изучения». Мы потеряем свободу действий. И ты потеряешь связь с подругами.

— Но мы не справимся в одиночку! — прошептала я, чувствуя, как паника подступает снова. — Это же огромно! Целый мир!

— Поэтому мы не будем в одиночку. У нас есть они. Твои подруги, — он посмотрел на меня пристально. — Они уже в процессе. Их «отголоски» — это не болезнь. Это пробуждение. Они — часть механизма, ключи, как ты сама догадалась. Наша задача — не тащить их к ректору. Наша задача — направлять. Быть их скрытыми защитниками. Их невидимым щитом.

— Использовать их? — я отшатнулась, и контракт болезненно дрогнул, улавливая мое возмущение.

— Нет! — в его голосе впервые прорвалось раздражение, и по нити ударила ответная волна. — Направлять. Защищать. Давать им ресурсы и прикрытие, пока они делают то, что должны. То, что только они могут. Ты же видела Фейру и ее светильник. Она сама ищет путь. Мы просто... обеспечим ей карту и провизию.

Я молчала, переваривая. Он был логичен. Ужасно, пугающе логичен. Он видел это как военную операцию. А я видела подруг, которые страдали от головной боли и непонятной тоски.

— А если им будет страшно? Если они не захотят? — спросила я тихо.

— Тогда мы остановимся, — он сказал это без колебаний. Контракт передал тяжелую, но твердую искренность этих слов. — Контракт между нами — о правде. Я не буду принуждать

тебя обманывать их или манипулировать. Но мы должны дать им шанс выбрать. А для этого они должны понять, что с ними происходит. И мы должны это понять первыми.

Он был прав. И я ненавидела это. Ненавидела эту холодную, стратегическую необходимость. Но сквозь ненависть пробивалось понимание. Мы сидели на пороховой бочке. И мои подруги, сами того не ведая, держали в руках фитили. Мы не могли просто крикнуть «огонь!». Мы должны были осторожно взять эти фитили и решить, куда их направить.

— Хорошо, — выдохнула я, чувствуя, как сопротивление внутри меня ломается. — Сначала — наблюдение. Понять, что с ними происходит. Потом... потом посмотрим.

Он кивнул. По контракту от него донеслось не облегчение, а скорее... удовлетворение от того, что препятствие преодолено. Как будто он передвинул фигуру на сложной шахматной доске.

— Первая цель — Фейра, — сказал он. — Ее связь с артефактами наиболее очевидна и активна. Ее «зов» можно отследить. Мы найдем источник.

— «Мы»? — я подняла бровь.

— Ты будешь наблюдать вблизи, как подруга. Я буду обеспечивать прикрытие и анализ со стороны. И искать информацию в архивах. Разделение обязанностей, — он взглянул на дверь. — Тебе пора. У тебя следующая пара через десять минут в другом крыле.

Он все просчитал. Расписание, маршруты, риски. Это было жутко. И безумно профессионально.

Я взяла сумку и пошла к выходу. У порога обернулась.

— А как насчет... нашего контракта? Другие могут почувствовать?

— Нет, — ответил он. — Это связь только между нами. Для других мы просто... странная пара адептов, которых свела судьба. Попробуй не смотреть на меня так, будто я вот-вот тебя съем. Это поможет.

Я фыркнула, не в силах сдержаться, и вышла в коридор. Холодная нить в груди пульсировала ровно, как второй пульс. Он оставался в аудитории, но я чувствовала его присутствие — тяжелое, сосредоточенное, работающее над решением нашей следующей задачи. Мы были союзниками. Неуклюжими, напуганными, совершенно не подходящими друг другу. Но союзниками. И первая миссия уже была назначена.

Вечером я вернулась в «Дом Корней» с ощущением, что ношу на лице маску. Маску обычной Лиары, у которой просто сложная неделя. Маска казалась тонкой и хрупкой. Особенно когда я увидела Фейру.

Она сидела в общей гостиной, посреди привычного хаоса из подушек, книг и чашек. Но вместо того чтобы наводить порядок, она яростно терла тряпкой один и тот же медный светильник — тот самый, «ноющий». Ее лицо было искажено концентрацией и раздражением.

— Ну чего тебе надо? А? — шипела она на неодушевленный предмет. — Чего дергаешься? Место не нравится? Так скажи куда! Я тебя понесу, демоняка железячный!

Светильник в ее руках, казалось, и вправду вибрировал едва уловимо. Я присела в кресло неподалеку, делая вид, что читаю конспект. Мои пальцы сжимали перо так, что кости ныли. Через контракт я чувствовала... ничего. Дейгар был где-то далеко, его присутствие — лишь тихий, ровный гул на заднем плане. Он наблюдал со своей стороны. А я — с моей.

Фейра встала, поставила светильник на стол у окна и повернулась, чтобы взять что-то с полки. И тут светильник... пошевелился. Не упал. Он медленно, почти невесомо, съехал по гладкой поверхности стола обратно, на свое прежнее место перед ней. Как будто его тянула невидимая нить.

Фейра обернулась, увидела это, и ее лицо побагровело.

— Да как ты смеешь! — она шлепнула ладонью по столу, и светильник подпрыгнул. — Я тебя поставлю в чулан, связанного! Будешь там с метлами дружить!

Я наблюдала, затаив дыхание. Это была не магия Фейры. Это был... зов. Артефакт, связанный с чем-то далеким, тянулся к ней, как компасная стрелка к северу. И она, с ее ведуньей чувствительностью к «месту вещей», была для него и магнитом, и мучением. Он хотел, чтобы она его отнесла. А она не знала куда.

Внезапно в моей голове, тихо, как будто сквозь слой ваты, прозвучал голос. Не звук. Импульс. Голос Дейгара, переданный по контракту. «Артефакт с сильной привязкой к месту. Он недоволен. Очень. Источник его тоски далеко. На севере.»

Я вздрогнула. Это было неожиданно и пугающе интимно. Он где-то там, в своей тени, чувствовал то же, что и я? Или видел больше?

Фейра, ворча, снова взяла светильник и понесла его к себе в комнату, хлопнув дверью. В гостиной воцарилась тишина. Я осталась одна, с конспектом, который не читала, и с новым знанием в голове. Первая цель была ясна. И она была не просто «отголоском». Она была маяком. Маяком, который звал куда-то на север.

Мне нужно было поговорить с Дейгаром. Уже сегодня.

Встречу назначили на крыше старой обсерватории — месте, куда редко заглядывали после того, как основные астрономические занятия перенесли в новый корпус. Я поднялась по узкой винтовой лестнице, сердце колотясь. Встречаться тайно, как заговорщики... это было так далеко от моей обычной жизни.

Он уже ждал, прислонившись к каменной балюстраде. На фоне вечернего неба, еще не полностью стемневшего, его фигура казалась вырезанной из сумерек.

— Ты видела, — сказал он, не как вопрос.

— Да. Он двигался. Сам. — Я подошла ближе, стараясь говорить тихо, хотя вокруг никого не было. — Ты чувствовал? То, что ты сказал... это было через контракт?

Он кивнул.

— Чувственная связь. Она работает на коротких расстояниях хуже. На больших... лучше. Я был в архиве. Чувствовал твоё сосредоточение и её раздражение. И эхо от артефакта. Оно шло через тебя, — он помолчал. — Тебе нужно научиться фильтровать. Иначе будешь принимать все эмоции вокруг за свои.

— Как? — спросила я, чувствуя себя беспомощной.

— Концентрация. И практика, — он отступил от балюстрады. — Первый урок. Наблюдение без вмешательства. Подойди к краю. Расскажи мне, что видишь. Не как поэт. Как разведчик.

Я недоуменно посмотрела на него, но подошла к каменному парапету. Внизу раскинулся кампус Академии: освещенные окна общежитий, темные силуэты учебных корпусов, огоньки фонарей на дорожках.

— Я вижу... огни. Окна. Деревья.

— Конкретнее. — Его голос прозвучал прямо у меня за спиной. Я вздрогнула. — Сколько окон горит в «Лазурном Шпиле»? Куда идет человек в темном плаще у фонтана? Где тень от Западной башни падает в этот час?

Я напрягла зрение, стараясь разглядеть детали. Это было сложно. Мой мозг привык видеть картину, а не детали мозаики.

— Эм... окна... штук восемь? Человек... поворачивает к библиотеке. Тень... тень ложится на газон у «Дома Корней».

— Достаточно, — он снова оказался рядом, его плечо почти касалось моего. — Теперь закрой глаза. Что слышишь?

Я зажмурилась. Сначала только стук собственного сердца. Потом... далекий смех откуда-то со двора. Скрип флюгера на башне. Шелест листьев внизу.

— Смех. Скрип. Ветер.

— Запахи?

Воздух был прохладным, чистым. Я вдохнула.

— Ночь. Влажная трава. Дымок из трубы столовой... и что-то металлическое. От самой башни?

— Хорошо. — В его голосе прозвучало легкое, едва уловимое одобрение. — Теперь открой. Запомни: мир полон информации. Большая часть бесполезна. Но нужный кусочек может спасти жизнь. Или сохранить тайну. Твоя задача — научиться выделять нужное. Не просто чувствовать, а анализировать. Как твоя подруга-знахарка ставит диагноз по симптомам.

Он был прав. Я всегда просто плыла по течению ощущений. А нужно было управлять лодкой.

— А как... как фильтровать контракт? — спросила я, повернувшись к нему.

Он нахмурился.

— Сложнее. Контракт — это прямая связь. Но можно... создать внутреннюю стену. Не блокирующую, а отражающую. Представь, что чувства, идущие по нити, — это звук. Ты не можешь его заглушить. Но можешь не вслушиваться в каждую ноту. Принять факт звучания и сосредоточиться на своем.

Это звучало как высшая магия. Я попыталась представить. Холодная нить в груди пульсировала его спокойным, аналитическим присутствием. Я мысленно отступила от нее на шаг, как от говорящего человека, чьи слова я слышу, но не обязана тут же обдумывать.

И... сработало. Напряжение в груди чуть ослабло. Я все еще чувствовала его, но это не давило на сознание.

— Вроде... получается, — выдохнула я.

Он кивнул, и на его лице промелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

— Практикуйся, — он засунул руку в карман плаща и вынул небольшой, гладкий камень темно-серого цвета с нацарапанным на поверхности простым символом — переплетенными петлями. — Держи. Для сообщений. Если что-то срочное, сожми в руке и подумай обо мне. Я почувствую импульс. И найду тебя.

Я взяла камень. Он был теплым от его руки.

— Спасибо, — сказала я, и это прозвучало искренне.

— Не за что. Это инструмент. Как и контракт. Как и я, — он отступил назад, растворяясь в сгущающихся сумерках. — Учись фильтровать, Лиара. Завтра начнем искать карты для Фейры.

Он исчез, словно шагнул в тень, которой не было. Я осталась одна на крыше, сжимая в ладони теплый камень-маячок. Урок был окончен. Страх никуда не делся. Но теперь к нему прибавилось что-то еще — крошечное, твердое зерно уверенности. Я могла учиться. Я могла стать не просто случайной причиной, а... частью решения. Пусть и неуклюжим, пусть и напуганным союзником в тени.

ГЛАВА 8: СЛЕДЫ ДРЕВНИХ

Тишина библиотеки «Хранилище Памяти» на этот раз не казалась уютной. Она была рабочей, напряженной, как натянутая тетива. Мы сидели в отдельной кабинке, отгороженной от мира высокими стеллажами. Я сгребла в кучу стопку пыльных фолиантов по истории архитектуры севера Аркании. Дейгар стоял у полки с картами, листая огромные, потрескавшиеся свитки. Он двигался бесшумно, лишь изредка слышался шелест пергамента.

Холодная нить Контракта в моей груди пульсировала ровным, сосредоточенным гулом. Не было ни раздражения, ни страха. Только целеустремленность, острая и лезвийная. Я переводила дух, когда его мысленный голос, тихий и четкий, прорезал тишину: «Смотри. Северный хребет. Обозначения троп. Здесь».

Я подняла голову. Он подошел, положил передо мной развернутую карту. Кожа пергамента была коричневой от времени, чернила выцвели, но линии гор, рек и редких дорог все еще проступали. Его длинный палец, бледный на фоне старой бумаги, указал на место у подножия Хребта Спящего Великана. Там, среди зубчатых значков вершин, был нарисован крошечный, едва заметный символ — не дом и не крепость, а что-то вроде башни с расходящимися лучами.

— Часовня Путей, — прошептал он вслух, на этот раз голосом. Звук был настолько тихим, что его поглотила ткань на стенах. — Навигационная застава. Не для людей. Для... потоков.

Я пригляделась. От символа расходились тонкие, пунктирные линии, как паутина. Они тянулись в разные стороны, некоторые обрывались у края карты, упираясь в пустоту «белого пятна».

— Что за потоки? — спросила я, не отрывая взгляда от древнего рисунка.

— Эфирные течения. Маршруты. То, по чему двигались не корабли, а... идеи. Сигналы, — он перевел взгляд на меня, и в его темных глазах мелькнула тень чего-то, похожего на сожаление. — Мосты между мирами, Лиара. Их поддерживала Часовня. Она была маяком. Для таких, как я.

По Контракту донеслась волна — не боли, а глухой, старой тоски. Точно такой, как в книге. Он тут же взял себя в руки, сгладил эмоцию до ровного гула, но я уже почувствовала. Этот символ на карте был для него не просто точкой. Это было напоминание о доме, которого не было.

— Лорэн, — мысленно позвала я, не в силах сдержаться.

Прохладное дуновение коснулось затылка, затем бархатный голос прозвучал прямо в сознании, на этот раз без обычной ехидцы.

— Снова вы, два сапога пара. Ищете дорогу к разбитому корыту? Или к тому, что от него осталось?

— Мы нашли Часовню Путей на карте, — мысленно ответила я. — Нам нужны любые сведения. Ритуалы, описание, что там было.

Последовала пауза, такая долгая, что я уже подумала, дух исчез. Воздух в кабинке стал гуще, тяжелее.

— Фолиант с синим переплетом, — наконец прошелестел Лорэн. — Третий ряд от восточной стены, уровень глаз. «Летописи Пограничных Застав». Ищите глазами, а не руками. И... будьте осторожны с тем, что найдете. Некоторые страницы помнят свет, которого больше нет. Он может обжечь.

Ощущение его присутствия растаяло. Я встретила взглядом с Дейгаром. Он кивнул — он тоже слышал. Мы двинулись в указанный ряд. Книга с синим, потускневшим от времени сафьяновым переплетом нашлась быстро. Я сняла ее с полки, и в ладонь тут же впилося слабое, тревожное покалывание, будто я взяла в руки спящую осу.

Мы вернулись в кабинку. Я открыла книгу на указанной закладке — тонкой полоске серебристой кожи. И замерла.

На странице был не текст, а изображение. Выполненное золотыми и синими чернилами, оно изображало не здание из камня, а сложную, кристаллическую структуру, парящую в воздухе у горного перевала. От нее расходились лучи, и в каждом луче танцевали странные, плавные символы. Внизу подпись: «Часовня Путей. Конвергенция семи потоков. Маяк для Странников меж Миров».

Страница будто вдохнула. Золотые лучи с иллюстрации замерцали, заплясали у меня перед глазами. Я слышала! Тонкий, высокий звон, словно хрустальный ветер гудел в тех нарисованных кристаллических стенах. Это не было воображением. Часовня звала. Даже здесь, сквозь слои времени, бумаги и магии. Дейгар резко сглотнул — он тоже слышал. Контракт вздрогнул, наполнившись резкой, соленой тоской. Не его. Древней. Вплетенной в саму краску.

— Вот он, — выдохнул Дейгар. Его пальцы едва не коснулись изображения, но он остановил себя. — Точка сильной былой связи. Место, где материи смешивались. Где артефакт, подобный светильнику твоей подружки, мог бы... обрести покой. Или открыть дверь.

Я посмотрела на него, потом на изображение Часовни, сияющей чужим, забытым светом.

— Это и есть цель для Фейры, да? — спросила я, уже зная ответ.

— Да, — кивнул он. — И единственное место, куда может вести ее «зов». Теперь нам нужен тот, кто знает, как туда добраться. Или хотя бы попробует.

Найти его оказалось проще простого. Кайран Вестник, как поговаривали, жил в уголке с картами больше, чем в своей комнате в общежитии для «звездных» факультетов. Мы набрали на него в дальнем зале библиотеки, где стояли широкие столы для работы с огромными свитками.

Он сидел, зарывшись в целую гору бумаг. Его пшенично-русые кудри падали на лоб, он нетерпеливо отбрасывал их назад, не отрываясь от карты, которую что-то яростно чертил и тут же стирал магическим кристаллом. Вокруг царил творческий хаос: раскиданные циркули, линейки с непонятными делениями, чашка с давно остывшим чаем.

Мы остановились в паре шагов, наблюдая. Дейгар стоял неподвижно, как тень. Я сделала шаг вперед.

— Извините, адепт Вестник?

Кайран вздрогнул, поднял голову. Его ярко-голубые глаза были немного стеклянными от усталости и сосредоточенности, но они тут же загорелись любопытством при виде нас. Незнакомцев.

— Да? О, привет! Вы тоже интересуетесь картографией? — Он махнул рукой на свой стол. — Я как раз работаю над корректировкой этого участка. Видите? Здесь, по логике рельефа, должен быть проход, но на всех старых картах — обрыв. Или они врут, или... или там что-то есть, что они не хотели показывать!

Его речь была быстрой, захлебывающейся, полной энтузиазма. От него так и веяло энергией и верой в каждое свое слово.

— Мы ищем информацию об одном месте, — осторожно начала я. — На севере. У Хребта Спящего Великана.

— Север! — Кайран почти подпрыгнул на стуле. — Это же сплошное «белое пятно»! Там либо ничего нет, либо есть все, что мы забыли! Какое место?

Я обменялась взглядом с Дейгаром. Он дал едва заметный кивок.

— Часовня Путей, — сказала я тихо.

Эффект был мгновенным. Кайран замер, его глаза округлились. Затем он вскочил, начал рыться в одной из стопок, вытащил потрепанный блокнот, заложенный десятком закладок.

— Часовня... Вы знаете, это же легендарное место! Его нет ни на одной современной карте! Только на обрывках допотопных свитков, и то как символ, а не как координаты! — Кайран вскочил, стул грохнул об пол. Он не заметил. Его пальцы летали над картой, будто пытаясь нащупать невидимый рельеф. — Вы понимаете? Карты врут не тогда, когда пусты, а когда на них рисуют то, чего нет! А тут — пустота настоящая! Она что-то скрывает! — он посмотрел на нас, и в его восторге промелькнула тень. — Или кого-то.

Он лихорадочно листал блокнот, показывая нам карандашные наброски — те самые символы с расходящимися лучами.

— Я думал, это миф! Место силы древних картографов, где сходились все дороги! Вы... вы нашли подтверждение?

Его взгляд метался от меня к Дейгару, полный жгучего, неподдельного интереса. Он был идеальным проводником. Слишком идеальным. Такой энтузиазм мог быть опасен.

— Мы нашли упоминания в старом фолианте, — сухо сказал Дейгар, впервые заговорив. Его низкий голос заставил Кайрана на секунду замолчать и внимательно его рассмотреть. — Нас интересуют не легенды. Возможные координаты. И маршрут.

— Координаты! — Кайран схватился за голову. — Да их нет! Есть направление. Область. Вот здесь, — он ткнул пальцем в свою карту, в район сплошной штриховки, обозначавший непроходимые горы. — Где-то здесь. Но как туда добраться... — он вдруг умолк, и на его лице появилось озорное, почти мальчишеское выражение. — Но если бы кто-то собрался проверить... я мог бы попробовать рассчитать путь. По звездам. По старым отчетам о магнитных аномалиях. Это же величайшая находка!

Он смотрел на нас, как на соратников по великому открытию. Дейгар оценивающе молчал. Через Контракт шло холодное, расчетливое одобрение. Этот картограф был рискован, но он горел идеей. И он был нужен.

— Адепт Вестник, — сказал я, делая вид, что колеблюсь. — Это... сугубо академический интерес. Гипотетический. Если бы мы захотели организовать небольшую исследовательскую вылазку, чтобы проверить ваши теории... вы бы были готовы предоставить карты и расчеты?

Кайран посмотрел на меня, потом на Дейгара, и его взгляд стал серьезнее, взрослее.

— Вы не из Комитета по Стабильности, да? — спросил он прямо.

— Нет, — ответила я искренне. Контракт молчал.

— И не собираетесь ничего ломать? Только найти?

— Только найти и задокументировать, — кивнула я.

Он глубоко вдохнул, и его лицо озарилось широкой, беззаботной улыбкой.

— Тогда я ваш человек. Карты, расчеты, логистика — это мое. Скажите когда, и я буду готов, — он вдруг нахмурился. — Но нужен предлог. Официальное задание. Иначе нам просто не разрешат выйти за ворота.

— Предлог будет, — тихо сказал Дейгар. — Обещаю.

Мы договорились встретиться через день для обсуждения деталей. Уходя, я чувствовала смесь облегчения и тревоги. Мы нашли проводника. Теперь нужно было убедить в этом того, кому этот проводник был нужнее всего.

Я нашла ее поздно вечером в кузнице факультета Ведунства. Она не чинила и не ковала. Она сидела на низкой табуретке, положив голову на наковальню, и смотрела на стоящий перед ней на полу медный светильник. В его блестящих боках отражались отблески огня, но сам он лежал неподвижно, тяжелый и безмолвный.

— Фейра? — тихо позвала я с порога.

Она не повернулась.

— Он замолчал, — сказала она глухо. — Целый день. Не дергается, не ерзает. Просто... лежит. Как будто сдался.

Я подошла ближе, присела на корточки рядом. От светильника не исходило ни малейшей вибрации, ни единого намека на тот назойливый «зов». Но в его неподвижности была своя, леденящая тоска.

— Может, ему просто стало хуже? — предположила я.

— Нет, — Фейра покачала головой, не поднимая ее. — Не хуже. По-другому. Раньше он орал. Теперь... молчит. Ждет. Отчаялся, что его услышат, — она наконец подняла на меня лицо. Глаза были красными от усталости, но в них горел упрямый, знакомый огонек. — Я ненавижу это. Ненавижу, когда что-то не на своем месте и ноет. Но я ненавижу еще больше, когда оно замолкает, сдавшись. Это неправильно.

Я знала, что это мой шанс. Единственный.

— А если бы ты знала, куда его нужно поставить? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — На самое его место. Туда, где он перестанет быть просто хламом и станет... тем, чем должен быть.

Фейра прищурилась, изучая мое лицо.

— Ты знаешь?

— У меня... есть догадки, — сказала я осторожно. Контракт молчал — я не лгала. У нас действительно были догадки, подкрепленные картами и древними книгами. — И есть человек, который, возможно, сможет найти дорогу. Картограф. Он помешан на «белых пятнах» на севере.

— Север, — пробормотала Фейра, снова глядя на светильник. — Холодно. Далеко. И, черт побери, страшно.

— Да, — согласилась я. — Страшно. И далеко. И, скорее всего, нарушает кучу академических правил.

Фейра вдруг фыркнула, и в углу ее рта дрогнула усмешка.

— Правила. Как будто они когда-нибудь меня останавливали, — она выпрямилась, потянулась, кости хрустнули. — Ладно. Допустим, я в деле. Допустим, этот твой картограф не болван. Что дальше? Нас же просто так не отпустят шататься по горам.

— Будет официальное задание, — сказала я, вспоминая слова Дейгара. — От какого-нибудь вымышленного профессора-отшельника. На исследование северных аномалий. Мы его... организуем.

Фейра долго смотрела на меня, и я видела, как в ее практичном, земном уме раскладываются по полочкам риски, логистика, последствия.

— «Мы» — это ты и тот твой мрачный тень, с которым ты теперь везде ходишь? — спросила она прямо.

Я кивнула, чувствуя, как по щекам разливается жар.

— Да. Мы... работаем вместе. Над этой темой.

— Понятно, — протянула Фейра, и в ее голосе не было осуждения, только привычная деловая хватка. — Ну что ж. Команда есть. Безумная идея есть. Осталось найти снаряжение, деньги и не помереть с голоду в пути. Легко.

Она встала, взяла светильник. Тот безжизненно повис в ее руке.

Я коснулась светильника. Металл был не холодным. Он вибрировал тихим, спящим гулом. Глухие удары, будто огромное сердце билось где-то под землей, за тысячу лиг. Фейра увидела мою реакцию.

— Чувствуешь? — прошипела она. — Он не сдался. Он затаился. Копит силы. Ждет толчка, — она обхватила светильник обеими руками, прижала к груди. — Ну что, железная банка, дождался? Вези.

— Когда старт? — спросила она, и в ее тоне слышалась уже не тоска, а вызов. Готовность к действию.

— Скоро, — пообещала я. — Я дам знать.

Она кивнула и, не прощаясь, понесла свой молчаливый артефакт прочь, в глубь кузницы, к огню и наковальне, будто готовясь к долгой дороге. Первый «ключ» был готов к повороту.

Встреча была назначена в пустом классе риторики после отбоя. Длинные ряды деревянных скамей тонули во мраке, лишь одинокий светляковый камень на кафедре отбрасывал бледное зеленоватое пятно.

Я вошла в пустой класс, чувствуя себя не ученицей, а солдатом, вызванным на дополнительную подготовку. Неделью назад на крыше он учил меня слышать тишину и не тонуть в чужих чувствах. Теперь, судя по его сосредоточенному лицу, нас ждало кое-что другое.

Дейгар ждал в центре комнаты. Он был без мантии, в простом темном камзоле, и в полутьме казался еще более невещественным.

— Твой разговор с ведуньей прошел, — констатировал он, без предисловий. — Она согласна. Это хорошо. Но согласие — не единственное, что нужно. Нужны навыки. Оба — и она, и картограф — как сигнальные огни в ночи. Шумные, заметные. Нам нужно научить тебя быть тише.

— Я не собираюсь шпионить за своими друзьями, — возразила я, но без прежней горячности. Контракт передал лишь усталое понимание с его стороны.

— Не за друзьями. За обстановкой. За теми, кто может представлять угрозу. Комитет уже здесь, Лиара. Их агенты в штатском. Они смотрят. Слушают, — он сделал шаг ко мне. — Первое правило скрытности — контроль над телом. Дыхание. Движение. Взгляд.

— Я дышу, — пробормотала я.

— Слишком громко. Грудь ходит ходуном. Дыши животом. Медленно. Без звука.

Я попыталась. Получилось неестественно и смешно.

— Второе — взгляд. Прямой взгляд привлекает внимание. Смотри чуть ниже глаз, на переносицу. Или скользи по деталям — пуговица, складка на одежде. Видишь все, но не концентрируешься.

Он подошел ближе, и я невольно подняла на него глаза. Он покачал головой.

— Снова. Переносица.

Я перевела взгляд. Видела размытые черты его лица, острый кончик носа. Это было неловко.

— Теперь — движение. Подойди к той скамье, — он кивнул в сторону ряда. — Бесшумно.

Я пошла. Паркет скрипнул под каблуком.

— Наступай на полную стопу. Плавнo перекачивайся с пятки на носок. Как кошка.

Я попробовала. Вышло медленно и неуклюже. Я чувствовала себя слоном в посудной лавке. Он наблюдал, не двигаясь, и через сеть Контракта доносилось... терпеливое ожидание. Без насмешки.

— Смотри сюда, — его пальцы мелькнули перед моим лицом, щелчок. Я моргнула. — Ты моргнула. Прекрасно. Теперь делай так же, но не моргай. Дай глазу застыть, стать стеклянным. Видеть, но не видеть. — Его собственный взгляд стал пустым, плоским, как поверхность темного пруда. От него стало жутко. Это было лицо призрака, а не человека. — Вот так. Теперь ты часть стены.

— Ладно, — наконец сказал он. — Теории достаточно. Практика будет в поле. Но запомни принцип: быть тенью — значит не привлекать к себе энергию. Ни взглядом, ни движением, ни даже мыслью. Ты — часть фона.

Он отвернулся, достал из складок одежды маленький, плоский камень, похожий на тот, что дал мне, но с другим знаком — не петлей, а стрелой.

На нем был выгравирован не символ, а скорее застывшая рябь, как от брошенного в воду камня.

— Держи, — он положил его мне на ладонь. Камень был теплым, будто его только что сжали в руке. — Наша связь... она передает фон. Шум души. Чувства. Но слова, образ места,

простую просьбу в этом потоке уловить почти невозможно, — он посмотрел на камень, потом на меня. — Это — якорь. И фокус.

Я сжала камень. Тепло пульсировало в такт едва уловимому гулу в груди.

— Если тебе нужно будет не просто дать мне понять, что ты злишься или боишься, а позвать... сожми его. Четко представь, где ты и чего хочешь. Не слова. Образ. Место. Желание. Камень... усилит этот импульс, сделает его яркой вспышкой в общем фоне. Я не услышу мысль. Я увижу сигнал. И пойму.

Он говорил о их связи как о сложном, но знакомом механизме. Это был не романтический жест. Это была настройка инструмента. Самая высшая форма доверия в его мире — дать кому-то возможность послать тебе четкий зов.

— А ты? — спросила я. — Ты сможешь так же?

Он едва заметно покачал головой.

— Мне не нужно. Моя половина связи... иная. Я и так чувствую твои яркие всплески. Но я научусь различать сигнал якоря от простой тревоги, — он сделал паузу. — Это не для ежедневных бесед. Это для того, «если что».

Я кивнула, крепко сжимая теплый камень-якорь. Это был мост над пропастью непонимания между нашими видами магии и восприятия. Не «сообщение». Призыв.

— Спасибо, — сказала я просто.

Он лишь кивнул, и в сети между нами на миг возникла не волна, а четкая, тихая нота — подтверждение. Принятие.

— Иди отдыхать, — сказал он наконец, голос снова стал деловым. — Завтра начнется настоящая работа.

Я кивнула и пошла к двери, стараясь ступать тише. У порога обернулась. Он стоял в центре пятна света, неподвижный, уставившись в пустоту, уже погруженный в расчеты, планы, риски. Не союзник по дружбе. Не партнер по чувствам. Стратег.

Вышла в коридор, прижимая к груди тёплый камень-якорь. На крыше он учил меня не сходить с ума от собственных чувств. Здесь — не привлекать внимания, стать частью фона. Два разных урока, но оба вели к одному: выжить в игре, где ставка — не оценки, а жизни.

И я, волей судьбы и собственного неосторожного сердца, стала его вторым командующим в этой тихой, тайной войне за наш мир. Войне, которая начиналась с одного светящегося пункта на древней карте и упрямой ведуньи с медным светильником.

ГЛАВА 9: КАРТА РАЗЛОМА

Воздух в каменном убежище густел, наполняясь запахом озона, сухого чабреца и пыли. Пахло не магией — напряжением, как перед ударом молнии.

Мы стояли в центре комнаты, разделенные лишь шириной сложного мелового узора на полу. В нем угадывались контуры Аркании: изгибы рек, зубцы Хребта Спящего Великана. По четырем сторонам света горели свечи из синего воска, их пламя замерло недвижимыми, холодными язычками, отбрасывавшими резкие тени на стены.

Я сжимала в потной ладони свой якорь-камень. Он отдавал ровным, успокаивающим теплом, глухим эхом отвечая на ледяную, вечно натянутую нить в груди.

Дейгар стоял неподвижно, его пальцы сжимали фамильный перстень. В синем свете лицо казалось вырезанным из мрамора — прекрасным и безжизненным. Только глаза, темные и слишком глубокие, выдавали сосредоточенность нечеловеческой силы.

— Готовься, — его голос прозвучал негромко, но с металлической плотностью, от которой воздух задрожал. — Не силой воли. Намерением. Чувством. Забудь заклинания. Представь не стену Купола. Представь... связь. Паутину, что держит мир целым. И ищи в ней разрыв. Не глазами. Сердцем.

Я закрыла глаза.

Сначала только темнота, стук собственной крови в висках, холодок страха, сковавший ребра. Дыхание сбилось. Я заставила себя выдохнуть медленно, втягивая странный запах ритуала — пыль, озон, тонкую ноту его кожи, смешанную с воском.

Потом, сквозь хаос ощущений, пробилось ровное гудение связи.

Оно начиналось как далекий шум водопада. Нарастало с каждым ударом сердца, заполняя внутреннее пространство, превращаясь из фона в живой, вибрирующий мост между нашим сознанием.

Я не видела его мыслей. Чувствовала направление его внимания — острое, как отточенный кристалл, устремленное в самую суть вещей. Это напоминало падение в колодец, где стенами служила его воля, а дном — сама реальность.

Я перевела дыхание и бросила в этот общий поток свое намерение.

Не желание «увидеть». Жажду понять. Жажду найти ту самую боль, что отзывалась в Хрониках, мучила разум Фейры, заставляла Элис слушать тишину, а Тэсс хмуриться у подножия дуба.

Я вспомнила их лица, голоса, тихие и громкие страдания. Все спрессовалось в единый, горячий шар тоски, который я протолкнула по натянутому канату нашей связи.

Стало жарко. Кожа на руках и спине покрылась мурашками.

Нить в груди не горела, а запела — высоко, тонко, ясно, как струна, затронутая мастером. Звук нарастал, вибрировал в костях, отзывался в коренных зубах.

Синий свет свечей пробивался сквозь веки, окрашивая внутреннюю темноту в призрачный индиго.

И мир ответил.

Я открыла глаза, но увиденное было не глазами.

Над меловым рисунком на полу, заполняя все пространство до сводчатого потолка, дрожало и переливалось призрачное, невероятно сложное светописное полотно.

Это была Аркания, но не из камня и леса. Из сияния.

От каждого города, каждой реки, древних рощ расходились лучистые сети — золотые потоки жизни, изумрудные нити роста, лазурные струи памяти. Они сплетались, перетекали друг в друга, создавая дивный, живой, дышащий узор. Он пульсировал в такт чьему-то гигантскому, медленному сердцебиению.

Он был прекрасен. Он был целым.

И в трех местах этот узор разорвался.

Разрывы не пустоты. Черные, клубящиеся воронки, они не поглощали свет, а выворачивали его наизнанку. Из них сочился обратный, болезненный свет — мертвенно-белый, ядовитый. Он не освещал, он разъедал яркие сети вокруг, заставлял их чахнуть и тускнеть, тянуться к этим язвам и обрываться.

Одна такая черная рана зияла на самом севере, у подножия ледяных пиков, высасывая цвет из золотых и лазурных нитей.

Вторая — глубже, в сердцевине континента, там, где на картах обозначали Великий Лес, пожирая изумрудные потоки.

Третья — на юге, среди нарисованных штрихами каменных пустошей, иссушая тонкие голубые жилки.

Сердце упало и замерло где-то в районе желудка. Воздух перестал поступать в легкие.

— Видишь? — голос Дейгара прозвучал прямо у меня в ухе, хриплый, полный такого шока и горького признания, что меня качнуло вперед.

По связи ударила волна — не мысли, а чистого, нефiltroванного ужаса перед масштабом увиденного, смешанного с древней, личной болью. Он видел это впервые. Воочию. И это было в тысячу раз хуже любых легенд.

— Трещины в фундаменте. Не в Куполе. В том, на чем он... держится. Вернее, что он пытается скрыть.

Я не могла отвести взгляд.

Эти три черных разрыва, как раны, из которых сочится свет, не находя выхода, жгли сетчатку. В них была вся тоска Хроник, все немое страдание Фейрина светильника, вся непонятная боль Элис и Тэсс.

Мы смотрели не на карту. Мы смотрели на диагноз умирающего мира.

Понимание этого, тяжелое и неотвратимое, рухнуло на меня всей своей массой, пригвоздив к полу, заставив похолодеть кончики пальцев.

Тишина после ритуала гудела в ушах, давила на виски. Я стояла на коленях, ладони вжимались в холодный камень пола. Под кожей дрожал звон — отзвук той чудовищной проекции или собственная истерика.

Дейгар зашевелился первым. Он не поднял меня. Он опустился рядом на одно колено, и это движение — не помощь, а соучастие в падении — заставило вздрогнуть.

— Дыши, — сказал он. Голос звучал приглушенно, будто сквозь вату. — Иначе сознание потеряешь.

Я втянула воздух. Он пах гарью и солью — это я плакала, не замечая.

— Что это было? — слова вырвались хрипом.

Он смотрел в пустоту перед собой, туда, где секунду назад клубились черные язвы на теле мира.

— Правда, — он произнес это без пафоса, как констатацию перелома. — Купол — не щит. Симптом. Он как лихорадка на ране, которую нельзя зашить. Эти разрывы... они и есть рана.

Я протерла лицо рукавом, стирая предательскую влагу.

— Три разрыва. Три точки. И Фейра, Элис, Тэсс... Это не совпадение.

— Нет, — согласился он. Тяжело. — Это логика. Неумолимая.

Он поднял руку, согнул пальцы один за другим. Жест был древним, педантичным, как чтение обвинительного заключения.

— Первое. Связь вещей с их местом в истории. С памятью, вплетенной в материю. Артефакт, оторванный от корней, становится фантомом. Призраком, который ноет на пороге, не в силах ни войти, ни уйти. Как светильник твоей ведуньи.

Я кивнула, сжав челюсти. Вспомнила Фейрины глаза, полные ярости и бессилия перед куском «ноющего» металла.

— Второе. — Загнулся второй палец. — Связь природы с циклами жизни. С музыкой роста, что звучит на всех материках. Растение, лишенное своей почвы, чахнет. Или поет песню тоски на языке, который уже никто не слышит. Как твой цветок, за которым ухаживает твоя подруга.

Элис. Ее шепот с ростком, ее пальцы, осторожные на лепестках, ее рассеянный взгляд, устремленный в никуда. В другое место.

— Третье. — Третий палец. Он давил на него, будто вгоняя гвоздь. — Связь тела мира с его силой. С током, что течет в жилах земли. Когда связь рвется... земля болеет. Не урочаем. Сущностью. И лекарь, чувствующий боль живого, воспринимает эту агонию как свою собственную. Как твой друг-знахарка с ее дубом.

Тэсс. Ее сухой, диагностирующий взгляд, ее фраза, брошенная вскользь: «Болит вся система».

Логика складывалась, как страшный пазл. Каждый кусочек вставал на свое место с леденящим щелчком.

— Значит... мы используем их? — спросила я. Голос прозвучал плоским, отчужденным, будто чужим. — Как живые ключи? Подсовываем карту и толкаем в нужную сторону?

Он резко повернул ко мне голову. В его глазах вспыхнуло что-то дикое, почти звериное. Не гнев. Защита.

— Нет! — это прозвучало как клятва, как заклятие. По связи между нами ударила волна — не мысли, а жгучего, физиологического отрицания самой этой идеи. — Никогда. Мы не используем. Мы направляем. Защищаем. Создаем условия, чтобы они смогли сделать то, что только они могут. Это не сила разобьет стену, Лиара. Это понимание. То самое, которому твоя Академия не учит на «звездных» факультетах, — он встал, отбрасывая длинную тень на стену. — Грубая сила, высокомерная магия воздвигла Купол. Тонкое знание, ремесленное, земное, внимательное — оно его сокрушит. Их знание.

Он говорил о Ведунстве, Травничестве, Знахарстве. О факультетах второго сорта. О ремеслах, на которые смотрели свысока. В его словах не было утешения. Была жестокая, неоспоримая правда. Мы смотрели на карту гибели, а лекарство лежало в руках тех, кого считали простыми работягами.

Тишина повисла между нами, плотная, наполненная этим новым знанием. Страх перед масштабом сменился другим чувством — тяжелой, холодной ответственностью, что осела на плечи, как плащ из мокрого свинца. Мы нашли не просто проблему. Мы нашли решение. И это решение было хрупким, живым и совершенно не подозревало о своей миссии.

— Что дальше? — прошептала я, поднимаясь. Ноги слушались через силу.

— Мы даем им карту, — сказал он. Уже спокойнее, перейдя к стратегии. — Не всю. Часть. Ту, что ведет к их личному разрыву. И смотрим, пойдут ли они, — он замолчал, его взгляд стал острым, пронзительным, оценивающим не меня, а грядущие риски. — А пока... нам нужен способ видеть весь процесс. Наша личная карта. Чтобы не сбиться с пути. Чтобы знать, когда им понадобится помощь. Или защита.

Он посмотрел на свой перстень, потом на мой якорь-камень, лежащий между нами на полу. Идея, жестокая и прекрасная в своей простоте, уже витала в синем, пропахшем воском воздухе.

— Наша карта, — повторил Дейгар. Его взгляд скользнул с перстня на мой якорь-камень.
— Не из бумаги. Из сути.

Он поднялся, подошел к грубому каменному столу в углу. Смахнул пыль с поверхности широким движением ладони.

— Принеси камень.

Я взяла теплый овальный камень-якорь. Металлическая насечка-рябь будто пульсировала под подушечкой пальца, отзываясь на близость нашей связи. Я положила его на стол.

Дейгар снял с мизинца фамильный перстень. На темном серебре отливала печать — стилизованные ворота под смыкающейся аркой. Символ обета, ставшего проклятием. Он положил перстень рядом с камнем. Два предмета лежали, не соприкасаясь, но между ними висело незримое напряжение, как перед грозой.

— Кровь, — сказал он просто, доставая из складок плаща короткий, иссиня-черный клинок из обсидиана. — Моя — память. Твоя — связь. И наша общая магия — проводник.

Он без колебаний провел лезвием по ладони. Темная, почти фиолетовая кровь выступила густой каплей. Он не стал ее стирать, а сжал кулак над столом. Одна тяжелая капля упала точно между перстнем и камнем, с тихим шлепком ударившись о камень.

— Теперь ты.

Я взяла клинок. Рука не дрожала. Лезвие было холодным и невероятно острым — оно скользнуло по коже, оставляя за собой тонкую, жгучую линию. Моя кровь, алая и яркая, выступила мгновенно. Я перевернула руку, позволила одной капле упасть рядом с его, не смешиваясь.

Две капли крови лежали на столе, словно темное и светлое око, смотрящие вверх.

— Руки, — скомандовал Дейгар.

Мы положили ладони на край стола, по обе стороны от нашей странной алтаря. Его пальцы — длинные, бледные, с тонкими шрамами. Мои — с краской от перьев, со свежим порезом.

— Сосредоточься не на предметах. На ощущении от них, — прошептал он. Глаза его прикрылись. — На тепле камня, что знает твой зов. На тяжести перстня, что помнит тысячу лет ожидания. Свяжи их. Не физически. Намерением.

Я закрыла глаза. Дышала глубже. Искала в себе то самое неуловимое чувство — тянущуюся нить к камню, который стал продолжением моей воли. Одновременно через нашу общую сеть ловила эхо от перстня — глухое, мощное, как удары колокола под землей. Древняя тоска. Несгибаемая верность долгу, превратившемуся в тюрьму.

Я протянула к этим ощущениям свои. Не магию факультета — чистую, сырую эмоцию. Признательность камню за доверие. Жалость к перстню за его ношу. И желание — яростное, огненное — сплести их вместе во что-то новое. В инструмент не для войны, а для спасения.

Воздух в комнате сгустился, запахло грозой и горящим металлом.

— Теперь, — голос Дейгара прозвучал прямо в моем сознании, усиленный связью.

Я открыла глаза.

Наши капли крови на столе зашевелились. Потянулись друг к другу, слились в одну — странную, переливающуюся от алого к черно-фиолетовому. Эта единая капля поднялась в воздух, зависла между перстнем и камнем.

Перстень дрогнул. С него, как пепел, посыпалась тончайшая серебристая пыль — не материальная, а светящаяся. Память в чистом виде. Она окутала каплю.

Мой камень ответил внутренним пульсацией светом. От него потянулись тончайшие золотые нити — нити связи, готовности откликнуться. Они вплелись в серебристое облако, прошли насквозь висящую каплю.

Раздался тихий, чистый звук — будто звенела хрустальная струна.

Свет вспыхнул ослепительно, заставив зажмуриться.

Когда я смогла смотреть, на столе лежал один предмет.

Перстень и камень исчезли. На их месте лежал кристалл. Неправильной формы, размером с голубиное яйцо. Он был прозрачным, как чистый лед, но внутри него плавали, перебиваясь, три живые точки света. Одна — теплого, медного оттенка, пульсировала лениво и настойчиво. Другая — серебристо-зеленая, мерцала, словно подстраиваясь под невидимый ритм. Третья — глубокого синего, почти черного, горела ровным, неугасимым светом.

Я почувствовала их. Не глазами. Сердцем. Фейра. Элис. Тэсс. Их присутствие в мире, отпечатанное в этом кристалле.

Дейгар протянул руку, но не взял артефакт. Он коснулся его поверхности одним пальцем.

— Карта Разлома, — произнес он, и в голосе прозвучала неуловимая нота — не торжества, а сухое удовлетворение. Дело было сделано. — Она будет показывать их состояние. Их движение. И... реакцию разрывов.

Я осторожно взяла кристалл. Он был теплым, как живой. В ладони отдавалась та же знакомая вибрация, что и от якоря-камня, но многократно усиленная, обогащенная глубиной веков.

— Мы даем друг другу клятву, — сказал Дейгар. Он смотрел не на кристалл, а на меня. — Хранить тайну. Направлять ключи. Быть их скрытыми стражами. Не ради нашей цели. Ради их шанса сделать то, что должно быть сделано.

Я кивнула, сжимая в руке теплую тяжесть Карты. Сердце билось часто, но уже не от страха. От торжественной решимости.

— Клянусь, — выдохнула я.

Он не стал повторять слова. Он положил свою руку поверх моей, сжимающей кристалл. Его ладонь была холодной, но твердой. Через кожу, через камень, через нашу связь прошла волна абсолютной, непоколебимой уверенности. Его клятвы.

Мы стояли так, связанные не только магией Контракта, но и этим новым, совместно созданным долгом. В тишине подземелья, под светом синих свечей, родился наш союз. Не романтический. Стратегический. И от этого — еще более прочный.

Мы не расходились. Сидели на холодном полу у стола, на том самом месте, где только что бушевала магия рождения. Синие свечи догорали, их пламя стало ниже, а тени — длиннее и гуще. Всё тело ныло от напряжения, будто я тащила на спине мешок с камнями. Но внутри горел четкий, холодный огонь — тот самый, что Дейгар называл «твердой решимостью».

Карта Разлома лежала между нами на грубой шерсти его плаща. Кристалл в полумраке светился собственным, приглушенным сиянием. Три точки внутри него жили своей тихой жизнью. Медная — ровно и лениво подрагивала, словно чье-то спящее сердце. Серебристо-зеленая — мерцала, то разгораясь, то затухая. Синяя — горела неярко, но неизменно.

Я не сводила с них глаз. Они были красивы. И от этой красоты сжималось горло. Каждая точка — судьба моей подруги, вписанная в этот артефакт без ее ведома. Без ее согласия.

— Они ничего не знают, — сказала я вслух. Не обвиняя. Констатируя.

— Знают достаточно, — ответил Дейгар. Он сидел, обхватив колени, подбородок лежал на сцепленных пальцах. Его профиль в дрожащем свете казался вырезанным из темного дерева. — Фейра знает, что светильнику нужно свое место. Элис слышит песнь, которой нет здесь. Тэсс чувствует боль, у которой нет видимой причины. Они знают, что что-то не так. Мы просто... даем этому «чему-то» форму и направление.

— Обманываем, — прошептала я.

— Направляем, — повторил он, как мантру. — Правда сейчас убьет их. Или ломает. Они должны дойти до сути сами. Иначе не сработает. Ключ должен повернуться изнутри.

Я знала, что он прав. Это не делало легче.

Я протянула палец, почти коснувшись гладкой поверхности кристалла. От точки, обозначающей Фейру, исходило едва уловимое тепло. Я закрыла глаза, пытаясь через этот крошечный мостик уловить... что? Ее настроение? Ее решение?

И тут медная точка вспыхнула.

Не просто ярче. Она пульснула ровным, мощным, настойчивым светом, залив внутренность кристалла теплым медным сиянием. Один удар. Пауза. Второй удар. Третий. Ритмично, как шаги. Как сердцебиение человека, который только что принял важное, окончательное решение и теперь движется вперед, не оглядываясь.

Я ахнула, отдернула руку.

Дейгар выпрямился, его глаза сузились.

— Что? — спросила я, хотя уже понимала.

— Она приняла решение, — сказал он тихо, почти благоговейно. Его взгляд был прикован к пульсирующей точке. — Окончательно. Не просто согласилась на авантюру. Она внутренне смирилась с необходимостью пути. Взяла свой «ключ» в руки не как обузу, а как долг. Путь начался.

Путь начался. Не когда мы дадим им карты и Пыль. Не когда они выйдут за ворота. Он начался прямо сейчас, в эту секунду, где-то там, в «Доме Корней» или в кузнице. Фейра что-то решила. Окончательно.

Я снова, уже смелее, положила ладонь на кристалл. Теперь я чувствовала это ясно — не образ, не мысль. Эхо. Эхо твердой, нестигаемой воли. Той самой, что заставляло ее чинить сломанные табуретки и ворчать на разбросанные вещи. Решимость навести порядок. Теперь — в масштабе мира.

Через нашу связь от Дейгара пришла волна — сложная, тягучая смесь тревоги, уважения и... облегчения. Первый шаг сделан. Первый «ключ» сдвинулся с мертвой точки. Теория подтверждалась. И это было страшно.

— Она еще даже не знает, куда идти, — пробормотала я, глядя на эту пульсирующую точку.

— Но она уже идет, — поправил он. — В своем уме. Это главное. Остальное — дело техники и нашей подготовки.

Мы молча смотрели на Карту. На пульсирующую точку Фейры. Две другие точки — Элис и Тэсс — светились своим обычным, неровным светом. Они еще спали. Еще не проснулись для своей миссии. Но одна уже проснулась. И ее ритмичный свет был одновременно обнадеживающим и зловещим.

Я убрала руку, но ощущение осталось — как будто я только что коснулась живого, бьющегося сердца огромного механизма, который мы с Дейгаром завели. И остановить его уже было нельзя.

— Что теперь? — спросила я, но уже знала ответ.

— Теперь, — сказал Дейгар, наконец отрывая взгляд от кристалла, — мы работаем. Готовим легенду, снаряжение, маршрут. Чтобы когда она будет готова шагнуть за порог, дорога уже ждала ее.

Его слова повисли в воздухе, тяжелые и четкие, как приказ. Вся тяжесть, вся ответственность, всё «мрачное удовлетворение» от созданного артефакта ушли на второй план. Осталась только работа. Наша работа. Тихая, невидимая, стратегическая. Работа серых кардиналов, которые в студенческих мантиях готовили переворот.

Я кивнула, снова глядя на пульсирующую точку. Фейра, ты даже не представляешь, что мы тут для тебя затеяли. Возвращайся живой. Возвращайся обязательно.

А точка пульсировала. Ровно. Настойчиво. Неумолимо.

ГЛАВУ 10: ПОДГОТОВКА К ПУТЕШЕСТВИЮ

В убежище теперь пахло не озоном и страхом, а пылью старой бумаги, чернилами и холодным расчетом. Мы сидели за тем же каменным столом, но теперь на нем лежали не магические компоненты, а пергаменты, печати и стопка путевых отчетов из академического архива.

Дейгар склонился над листом плотной, официальной бумаги. Его рука, обычно такая уверенная в магических жестах, теперь выводила аккуратные, каллиграфические строчки с почти болезненной тщательностью.

— «По поручению отшельника-исследователя, магистра Элидара из Долины Теней, — бормотал он себе под нос, — настоящим санкционируется полевая экспедиция с целью изучения северных магнитных аномалий и картографической сверки...»

Он писал без единой помарки. Каждое слово звучало скучно, сухо и невероятно убедительно.

Я наблюдала, подпирая подбородок ладонью. От усталости глаза слипались, но спать было нельзя. На моей части стола лежала заготовка для полевого журнала — потрепанный блокнот в кожаном переплете, который я искусственно состаривала, протирая края землей и слабым раствором чая. Запахло плесенью и старыми библиотечными полками.

— Зачем такой сложный обман? — спросила я, отрывая уголок страницы и опаливая его краешек свечкой. — Нельзя было просто сказать, что это их личный учебный проект?

— Личный проект могут отозвать по звонку любого профессора, — не отрываясь от письма, ответил он. — Задание от внешнего, полумифического специалиста — это уже уровень дипломной работы. Его сложнее отменить. Особенно если «магистр Элидар» периодически будет присылать «уточняющие запросы» через проверенные каналы, — он на секунду поднял на меня взгляд. — Легенда должна быть скучной, Лиара. Слишком интересные задания привлекают внимание. Аномалии магнитосферы — это идеально. Это то, чем одержим каждый второй картограф, и то, на что всем плевать.

Он закончил писать, отложил перо и достал маленькую, сложную металлическую печать. Не академическую. Какую-то другую, старую, с переплетенными змеями.

— Это чья? — поинтересовалась я.

— Моей бабки, — сухо ответил он, нагревая печать над пламенем. — Она была путешественницей. Или шпионкой. Никто так и не понял, — он с нажимом приложил печать к нижнему углу документа. На бумаге остался четкий, замысловатый оттиск, похожий на сплетение корней. Выглядело архаично и очень солидно.

Он протянул мне документ.

— Теперь твоя очередь. Печать факультета Сердечных Узлов как курирующей стороны. И подпись. Сделай ее размашистой, уверенной. Как будто ты уже десять лет подписываешь такие бумаги.

Я взяла его перо, обмакнула в чернила. Рука дрогнула, поставив кляксу.

— Черт.

— Не страшно, — сказал он, не осуждая. — Подпишись поверх. Будет выглядеть, как будто подписывали в спешке. Еще убедительнее.

Я вывела свой позывной — «Л. Верная, адепт-куратор». Подпись вышла нервной, но крупной. Похоже на правду.

Дейгар взял готовый документ, осторожно подул на чернила, затем сложил его по строгим линиям сгиба.

— Легенда готова, — произнес он, положив сверток в простой холщовый мешок вместе с «полевым журналом» и несколькими настоящими, но устаревшими картами из архива.

— Основа есть. Теперь снаряжение, финансирование и главное — способ быстро преодолеть полтысячи верст до гор.

Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнула та самая «твердая решимость», что теперь жила и во мне.

— Завтра идем в Бедный Зал. У меня никогда не было причин туда ходить. Ты должна вести.

Я кивнула, чувствуя, как в животе завязывается холодный узел. Подделка документов — это одно. Смотреть в глаза клерку и врать, выпрашивая деньги, — совсем другое.

— Я справлюсь, — сказала я больше для себя.

— Знаю, — просто ответил он. И в этом не было лести. Была констатация факта. Он верил в необходимость, а значит, верил и в меня. Это было почти хуже, чем если бы он сомневался.

На следующее утро я стояла перед неприметной дубовой дверью с барельефом сложенных ладоней. Сердце колотилось где-то в горле, а пальцы леденели, сжимая холщовый мешок с поддельным заданием. Дейгар остался в тени арки напротив, невидимый, но ощутимый — холодная, спокойная точка в моем сознании, якорь в бушующем море паники.

Я сделала глубокий вдох, пахнувший влажным камнем и затхлостью, и толкнула тяжелую дверь.

Меня встретили семь ступеней вниз, протертых посередине до вогнутой гладкости. Спуск в подвал. В ушах заложило от смены давления, а может, от страха. Внизу открылся просторный зал с низкими потолками. Воздух здесь был особенным — тихим, вязким, поглощающим звук. Пахло старой бумагой, сухими травами и легкой сыростью, приправленной запахом дешевого, но едкого мыла.

За длинным темным прилавком, высотой мне по грудь, скрипели перья два клерка в одинаковых серых мантиях без всяких факультетских цветов. Их лица выражали профессиональную, слегка отстраненную вежливость. На скамьях вдоль стены сидели несколько адептов — бледный травник, девица с потухшим взглядом в мантии Боевой магии. Все они выглядели съезжившимися, даже те, кто сидел с прямой спиной. Этот зал не унижал. Он отрезвлял.

Я подошла к свободному окошку. Клерк, женщина лет сорока с тусклыми волосами, уложенными в тугой пучок, подняла на меня глаза.

— Чем могу помочь, адепт?

— Мне... нужно подать заявку на ссуду. Для группового исследовательского проекта, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Я вытащила из мешка наш аккуратный сверток и протянула его.

Она молча взяла документы, развернула. Ее глаза бесстрастно скользили по строчкам. Она увидела печать «магистра Элидара», мою подпись, официальные формулировки. Ничто не дрогнуло в ее лице.

— Тема? — спросила она, доставая длинный бланк.

— Изучение северных магнитных аномалий и картографическая сверка, — выпалила я, как отличница на экзамене.

— Срок?

— Два месяца. Полевой сезон.

— Состав участников?

— Двое. Адепт Фейра Ингер, факультет Ведунства. Адепт Кайран Вестник, факультет Пространственных Намеков.

Она записывала, не глядя на меня. Перо царапало бумагу. Где-то в глубине зала, за столом под грудой папок, я почувствовала на себе тяжелый, изучающий взгляд. Старший клерк. Генрих. Я видела только его лысину и блик на стеклах очков.

— Сумма запрашиваемой ссуды?

Я назвала цифру, которую мы с Дейгаром рассчитывали пол ночи. Деньги на теплую одежду, качественные пайки, аренду выносливых пони, инструменты. Сумма была значительная, но не фантастической.

Клерк подняла брови на долю миллиметра.

— Целиком на снаряжение?

— Дорогостоящее картографическое оборудование, — соврала я, чувствуя, как по левой стороне груди, там, где жила связь, пробежал легкий, предупреждающий укол. Полуправда. Оборудование действительно было дорогим. Просто мы не собирались его брать.

Она что-то записала.

— Ожидайте.

Она взяла наши документы и бланк и пошла к столу старшего клерка. Я осталась стоять у прилавка, пытаюсь не смотреть туда, но периферийным зрением видя, как Генрих медленно, методично изучает каждую страницу. Он что-то сказал клерку тихим, сухим голосом. Та кивнула и вернулась.

— Магистр Элидар не числится в текущем реестре аккредитованных исследователей, — сказала она ровным тоном.

Мир на миг поплыл. Но Дейгар предвидел и это.

— Он отшельник, — выдохнула я. — Работает вне академических систем. Но его прошлые труды есть в архиве, раздел «Геомагнитные флуктуации допотопной эры». Кураторство моего факультета — гарантия серьезности намерений.

Клерк снова посмотрела на меня. В ее взгляде не было ни доверия, ни недоверия. Была проверка на прочность.

— Гарантом выступаете вы?

— Да, — сказала я, и на этот раз голос звучал тверже. Я была здесь, я подписывала бумаги. Это была правда.

Она еще раз посмотрела на Генриха. Тот, не поднимая головы, медленно кивнул.

— Хорошо. Заявка принята к рассмотрению. Ожидайте решения у того же окошка через два дня. Следующий.

Это было все. Я кивнула, развернулась и пошла к выходу, чувствуя, как спина горит под дюжиной невидимых взглядов. Лестница вверх показалась бесконечной. Когда я вышла на солнечный свет, меня затрясло мелкой дрожью.

Дейгар материализовался рядом, заслонив меня от улицы.

— Все хорошо? — спросил он тихо.

— Приняли к рассмотрению, — прошептала я. — Генрих... он смотрел. Будто видел насквозь.

— Он видит бумаги, а не душу, — сказал Дейгар, слегка подталкивая меня в сторону от двери. — И бумаги наши безупречны. Идет. Теперь следующий этап. Нам нужно купить то, на что не дадут денег даже в самой щедрой ссуде.

Я посмотрела на него, еще не оправившись от визита в Бедный Зал.

— Пыль?

Он кивнул, и в его глазах вспыхнуло что-то опасное.

— Пыль Лунной Дороги. И купить мы ее должны там, где вопросы задают реже всего. В подвале «Уснувшего Дракона».

Вечер опустился на Зареченск, окрасив небо над башнями Академии в цвета сизого дыма и угасающей лазури. Мы шли не по главным улицам, а по задворкам, где тень лежала гуще и запахи были проще — мокрая мостовая, помои, жженое дерево из печных труб.

«Уснувший Дракон» гудел, как потревоженный улей. Из-под тяжелой двери лился теплый свет, смех и грохот кружек. Мы обошли таверну сбоку, спустились по скользким каменным ступеням в узкий, вонючий переулок. Дейгар, не колеблясь, постучал костяшками пальцев в, казалось бы, глухую стену, сложенную из неровного бута. Раздался скрежет, и часть стены отошла внутрь, открыв черную пасть еще более крутой лестницы, уходящей в подземелье.

Внизу было тесно, душно и темно. Воздух стоял неподвижный, пропитанный запахом плесени, старого металла и чего-то сладковато-кислого, от чего першило в горле. Единственный источник света — тусклая лампа-светляк в железной клетке — освещал крошечное помещение, заставленное ящиками и склянками. За грубым столом, служившим прилавком, сидел человек. Вернее, нечто, напоминавшее человека, если бы человека вылепили из высохшей глины и обернули в промасленные тряпки. Его лицо было морщинистым и невыразительным, глаза — двумя щелочками, в которых мерцал тусклый, оценивающий блеск.

Дейгар шагнул вперед, заслонив меня собой.

— Нужна Пыль, — сказал он без предисловий. Его голос в этой яме звучал глухо, как удар камня о землю.

Существо за прилавком хрипло крикнуло.

— Много желающих нынче быстрых дорог искать, — проскрипело оно. Голос был похож на скрип несмазанных колес. — Дорога-то быстрая, да не всякий до конца доезжает. Цена соответственная.

— Назови.

Последовал торг. Короткий, лишенный эмоций, как обмен ударами. Дейгар не спорил, он парировал, называя свою цифру, ссылаясь на «колебания рынка» и «последнюю партию с Восточных болот». Он знал этот жаргон. Чувствовал себя здесь своим. От этой мысли стало холодно.

Наконец сошлись на сумме, от которой у меня похолодели пальцы. Больше, чем вся наша ссуда. Дейгар, не моргнув глазом, отсчитал тяжелые, темные монеты из отдельного мешочка у пояса. Не академические чеканки. Старые, стертые.

Торговец, кряхтя, полез под стол, что-то там долго искал. Вытащил маленький, плоский флакон из темного, почти черного стекла. Он был запечатан сургучом с оттиском в виде стилизованного полумесяца.

— Правила просты, птенцы, — зашипел он, протягивая флакон, но не выпуская его из цепких пальцев. — Только в полнолуние. И только если точно знаешь, куда идешь. Место должно быть в голове ясное, как на ладони. Малейшая дрожь в мыслях, сомнение — и пронесет мимо. А то и вмурует в скалу, или разорвет на атомы по дороге. На ваш страх и риск. Возвратов нет.

Дейгар молча взял флакон. Его пальцы сомкнулись вокруг темного стекла так крепко, что, казалось, оно вот-вот треснет. Он кивнул.

— Понял.

Торговец выпустил флакон, его щелочки-глаза на миг остановились на мне, на моем алом шарфе.

— Сердечные Узлы... — проскрипел он задумчиво. — Опасно это, пташка. Привязываться к тому, что может раствориться в дороге.

Меня пробрала дрожь, но не от его слов, а от самого флакона. Сквозь стекло, сквозь кожу Дейгара, я чувствовала то, что в нем лежало. Не энергию. Пустоту. Голод. Бешеное, нетерпеливое желание сорваться с места и мчаться, не разбирая дороги.

— Идем, — тихо сказал Дейгар, развернулся и потянул меня за собой к лестнице.

Мы вырвались наверх, в прохладный вечерний воздух переулка. Я судорожно вдохнула, пытаюсь вытеснить из легких сладковатую вонь подполья. Дейгар стоял, сжав в кулаке флакон, его лицо было каменным.

— Это... живое? — выдохнула я.

— Нет, — ответил он. — Это воспоминание. Воспоминание дороги, которая была, когда мирам не нужны были стены. Оно хочет бежать. И у него нет понятий «осторожно» или «опасно». Оно просто несется к цели. Нам нужно стать для него точной целью.

Он спрятал флакон глубоко во внутренний карман.

— Все собрано. Легенда, деньги, карты, Пыль. Осталось одно — передать все им. И надеяться, что картограф сможет удержать в голове образ пункта назначения четче, чем собственное имя.

Мы вызвали их в пустую аудиторию на краю кампуса поздно вечером, когда коридоры вымерли, а из-под дверей общежитий пробивался лишь тусклый свет ночных лампад. Воздух в комнате был спертым и холодным, пахло меловой пылью и старым деревом.

Фейра вошла первой — быстрыми, решительными шагами, ее медный светильник, теперь тщательно вычищенный, она несла перед собой, как щит. Ее взгляд сразу выпер меня, затем перешел на Дейгара, стоящего в тени у кафедры. В ее глазах читалась готовая ко всему подозрительность.

Кайран ворвался следом, едва не споткнувшись о порог. Он был наэлектризован, его глаза сияли даже в полумраке, а руки нервно перебирали край плаща, будто уже листали невидимые карты.

— Ну? — бросила Фейра, ставя светильник на ближайшую парту с глухим стуком. — Говорите. Что за секретность?

Дейгар вышел из тени. Он двигался беззвучно, и это всегда действовало на нервы. Он положил на соседнюю парту холщовый мешок. Звук, с которым он упал, был весомым и многообещающим.

— Ваше официальное задание, — сказал он, глядя на Кайрана. — Все документы в порядке. Ссуда утверждена, деньги здесь. Карты, снаряжение, список необходимого — тоже.

Кайран, не в силах сдержаться, шагнул вперед и заглянул в мешок. Его лицо озарилось восторгом первооткрывателя.

— Это... это же подробнейшие схемы северных отрогов! И инструменты! — Он вытащил бронзовый компасик с магической иглой. — Как вы...

— Не ваше дело, — сухо оборвала его Фейра, но и ее взгляд смягчился на долю секунды. Практичность оценила практичность. Потом она снова уставилась на Дейгара. — А что это?

Она ткнула пальцем в маленький, плоский флакон из темного стекла, который Дейгар вынул из внутреннего кармана и теперь держал, как нечто предельно хрупкое и опасное.

— Пыль Лунной Дороги, — произнес он, и в тихой аудитории слова прозвучали как приговор. — Артефакт для ускорения пути. Позволяет преодолеть расстояние в недели пути за одну ночь.

Кайран замер с компасом в руках, его восторг сменился благоговейным ужасом.

— Это же... легенда! Ее же невозможно контролировать! Говорят...

— Говорят правду, — перебил Дейгар. Его голос стал жестким, как сталь. — Она капризна. Работает только в полнолуние. Требуется абсолютно четкого, ясного образа пункта назначения в голове того, кто ее активирует. Малейшая неточность, сомнение, страх — и вас пронесет мимо. Или разорвет между мирами. Или впандорит в скалу, — он посмотрел попеременно на каждого. — Это не игрушка. Это билет в один конец, если вы не сконцентрированы. Вы оба.

Фейра побледнела, но не отвела взгляда. Она смотрела на флакон так, будто это был ядовитый паук, которого предстоит раздавить.

— Зачем тогда эта дрянь? — прошипела она.

— Потому что пешком вы дойдете до гор через три месяца, если дойдете вообще, — холодно констатировал Дейгар. — У вас есть два. Полнолуние через неделю. Следующее — через месяц. Пропустите оба — вся затея бессмысленна.

Аудитория погрузилась в тягостное молчание. Даже Кайран не находил слов. Реальность, грубая и смертельно опасная, обрушилась на их романтические мечты об экспедиции.

Я сделала шаг вперед. Мое сердце колотилось, но я должна была это сказать.

— Фейра, — начала я, глядя ей прямо в глаза. — Просто... верни его на место. Туда, где он будет счастлив. И возвращайся сама. Целая. Это главное. Остальное — карты, аномалии, образцы — ерунда.

Она долго смотрела на меня, и в ее упрямых, зеленых глазах что-то дрогнуло. Не страх. Понимание. Понимание того, что я вложила в эту просьбу больше, чем просто пожелание удачи.

— Ладно, нянька, — буркнула она, но в ее тоне не было прежней колкости. Была усталая готовность принять правила этой странной, страшной игры.

Я повернулась к Кайрану, который все еще смотрел на флакон, будто загипнотизированный.

— Ты — ключ, — сказала я ему тихо. — Твоя голова, твоя карта. Ты должен держать образ цели так четко, как будто ты уже там сто раз бывал. Можешь?

Он оторвал взгляд от Пыли, посмотрел на меня, и в его синих глазах загорелся тот самый, знакомый по библиотеке огонь — огонь азарта исследователя, столкнувшегося с величайшим вызовом.

— Могу, — сказал он просто, без хвастовства. С абсолютной уверенностью. — Я уже там побывал. В мыслях. Тысячу раз.

Дейгар кивнул, удовлетворенный. Он протянул мешок Кайрану, а флакон с Пылью — Фейре. Та взяла его так осторожно, словно он был сделан из тончайшего льда.

— Встреча у Северных ворот на рассвете после полнолуния, — сказал Дейгар. — Больше мы не встретимся. Не пишите, не выходите на связь. Действуйте по легенде. Если что-то пойдет не так... — он замолчал. Планов на «если» не было. Их и не могло быть.

— Мы справимся, — сказала Фейра, и это прозвучало как клятва. Она взяла светильник, прижала его к груди, и ее взгляд стал твердым, как гранит. — Пора этому железному болвану домой.

Они вышли — сначала Фейра, прямая и несгибаемая, затем Кайран, на минуту обернувшийся, чтобы бросить последний взгляд на карты в мешке. Дверь закрылась с тихим щелчком.

Я осталась стоять посреди пустой, темной аудитории, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Я только что отправила своих друзей в неизвестность, вооружив их деньгами, ложью и смертельно опасной магией.

Дейгар подошел, его плечо почти коснулось моего.

— Все, что можно было сделать, сделано, — произнес он. Его голос в тишине звучал негромко, но заполнял все пространство.

— А если не справятся? — выдохнула я, не в силах сдержать дрожь.

— Тогда мы узнаем об этом первыми, — ответил он, и в его словах не было утешения. Была готовая нести груз правды тяжесть. — И будем разбираться с последствиями. Но они справятся.

Он посмотрел на дверь, за которой скрылись наши «ключи».

— Они должны.

ГЛАВА 11: НАЧАЛО ПУТИ И ТРЕВОГА

Утро было холодным и сырым. Над Зареченском висело низкое, серое небо, накрапывал мелкий, назойливый дождик, превращавший песчаник мостовой в темное, скользкое зеркало. Мы стояли в тени амбара напротив Северных ворот, в двухстах шагах от места действия. Достаточно близко, чтобы видеть, достаточно далеко, чтобы нас не заметили в общей суматохе отправки.

У ворот толклась пара грузовых повозок, несколько ранних торговцев. И среди них — Фейра и Кайран. Они выглядели чужими в своих новых, практичных дорожных плащах поверх академических мантий. Кайран что-то оживленно говорил пожилому вознице, указывая на свою стопку ящиков и свертков. Фейра стояла чуть в стороне, спиной к городу, лицом к дороге, уходящей в серую дымку лесов. В руках она сжимала свой светильник, завернутый в плотную ткань, но я знала, что это он. Она держала его не как груз, а как причину всего этого безумия.

Мое сердце сжалось, будто в тисках. Я судорожно сглотнула ком в горле. В кармане моей мантии, прижатый к бедру, лежал теплый кристалл Карты Разлома. Я чувствовала его пульсацию — ровную, настойчивую. Точка Фейры горела там, ярко и неумолимо, совпадая с той фигуркой у ворот.

— Они наняли повозку только до Перекрёстка, — тихо сказал Дейгар, не отрывая взгляда от пары. Его лицо было бесстрастной маской, но через связь я чувствовала тонкую, как струна, нить напряженного внимания. — Дальше пойдут пешком или найдут местных проводников. Это правильно. Меньше вопросов.

Я кивнула, не в силах вымолвить слово. Дождь моросил по капюшонам, скатывался каплями с его темных волос. Он стоял неподвижно, как часть тени, но все его существо было направлено туда, к воротам.

Возница закончил погрузку. Кайран, сияя, ловко вскарабкался на задний борт. Он обернулся, помахал рукой в сторону города — глупый, беспечный жест, будто отправлялся на пикник. Фейра в последний раз обвела взглядом стены Зареченска, нашла глазами шпиль Академии. Ее лицо оставалось серьезным, почти суровым. Затем она решительно развернулась, взяла протянутую Кайраном руку и втянулась в повозку.

Возница щелкнул вожжами. Крепкие, низкорослые пони рванули с места. Повозка, поскрипывая, тронулась, миновала каменную арку ворот и скрылась за поворотом, растворившись в утренней дымке и стене морозящего дождя.

Они уехали.

Я зажмурилась, сжав в кармане кристалл так сильно, что его грани впились в ладонь. Точка на Карте не исчезла. Она просто сдвинулась. Медленно, неотвратно поползла на север, удаляясь от нас.

— Все, — выдохнул Дейгар. Одно слово. В нем была вся тяжесть свершившегося.

Я открыла глаза, повернулась к нему. Он смотрел не на дорогу, а на меня. В его темных, обычно пустых глазах читалось понимание. Он чувствовал ту же пустоту, ту же ледяную тревогу под ребрами. Он просто не позволял им себя сломать.

— Я отправила друзей на смертельный риск, — прошептала я, и голос предательски дрогнул. — Ради идеи. Ради какого-то... древнего долга.

— Ради шанса, — поправил он тихо, но твердо. — Которого у этого мира не было тысячу лет. И который они теперь несут с собой.

Его плечо почти касалось моего. Он не обнял меня, не попытался утешить. Он просто стоял рядом, разделяя тяжесть этого утра, этого дождя, этого страшного шага, который мы заставили их сделать.

Я снова посмотрела на пустую дорогу. Там, за поворотом, в серой пелене, они ехали навстречу своей судьбе. А мы оставались здесь, со своей Картой, своей тайной и своей тихой, всепоглощающей виной.

— Пора возвращаться, — сказал Дейгар. — У нас своя работа.

Я кивнула, в последний раз сжав кристалл. Точка Фейры продолжала свое медленное, неумолимое движение.

Путь начался. По-настоящему.

День после проводов тянулся мучительно, как густой, горький сироп. Лекции проходили мимо ушей, слова преподавателей разбивались о глухую стену тревоги в моей голове. Я механически конспектировала, смотрела в окно на серое небо и каждые пять минут мысленно нащупывала Карту в кармане, проверяя движение той единственной точки.

После обеда, когда терпеть четыре стены аудитории стало невозможно, я отправилась в оранжерею. Мне нужен был зеленый свет, запах земли и тишина — все, что могло хоть немного унять внутреннюю дрожь.

«Сад Помнящих Корней» встретил меня густым, влажным воздухом, насыщенным кислородом и ароматом сотен растений. Под высокими зеленоватыми куполами царил свой, неторопливый ритм жизни: шелест листьев, тихий треск ростков, равномерное журчание поливалок. Я прошла мимо тропических зарослей, где пахло сладкой гнилью, мимо аккуратных грядок лекарственного сада, и направилась в самый дальний павильон — павильон магической флоры.

Я знала, что найду ее здесь.

Элис стояла у длинного стола, заставленного горшками с необычными растениями. Ее высокая, чуть сутулая фигура была неподвижна, словно она сама вросла в землю. Светлые волосы, заплетенные в тугую косу, лежали на спине, как плеть. В руках она держала тот самый серебряный росток в скромном глиняном горшке.

Она не ухаживала за ним. Она слушала.

Ее губы были сжаты, брови слегка сведены, а серые глаза смотрели на растение с такой сосредоточенной нежностью, что становилось неловко подсматривать. Ее пальцы не касались листьев — они висели в воздухе в сантиметре от них, медленно двигаясь, будто дирижируя невидимым оркестром.

И росток отвечал.

Его тонкие, почти прозрачные лепестки с серебряными прожилками слабо светились изнутри, и это свечение пульсировало в такт движениям ее рук. То ярче, то тусклее. То быстрее, то медленнее. Это был диалог. Беззвучный, построенный на свете и, как мне теперь было известно, на некоем внутреннем звуке, который слышала только Элис.

Я затаила дыхание, прислонившись к косяку двери. Я не должна была ее беспокоить. Но мне нужно было видеть. Нужно было знать, что второй «ключ» пока на месте. Пока тихо зреет.

Элис вдруг вздохнула, и ее плечи опустились. Свечение ростка угасло до ровного, едва заметного сияния. Она поставила горшок на стол, провела рукой по лицу. На ее обычно бледных щеках играл легкий румянец — от напряжения или от волнения.

И тут она почувствовала мой взгляд.

Она резко обернулась. Наши глаза встретились. В ее взгляде мелькнуло что-то дикое, испуганное, как у лесного зверька, застигнутого врасплох. Затем оно сменилось обычной, рассеянной вежливостью.

— Лиара, — произнесла она своим тихим, шелестящим голосом. — Ты... давно стоишь?

— Только что, — соврала я, делая шаг вперед. — Проходила мимо. У тебя тут... удивительный экземпляр.

Я подошла к столу, посмотрела на росток. Вблизи он казался еще хрупче. От него исходил легкий, холодный аромат, напоминающий лунный свет и мокрый камень.

Элис наблюдала за мной, и я чувствовала ее настороженность.

— Он... капризный, — наконец сказала она, глядя на растение, а не на меня. — Сегодня просил только свет и тишину. Не любит суеты.

Ее слова были простыми, но за ними стояла целая вселенная понимания, недоступная мне.

— А что он... просит в другие дни? — осторожно спросила я.

Она на мгновение задумалась, и по ее лицу пробежала тень.

— Разное. Иногда — воду с особой кристаллизацией. Иногда — чтобы ему пели. Вернее, чтобы рядом звучала определенная нота, — она вдруг смущенно улыбнулась, и эта улыбка преобразила ее строгое лицо. — Звучит безумно, да?

— Нет, — честно ответила я. — Звучит... правильно. Для него.

Она кивнула, и настороженность в ее глазах растаяла, сменившись благодарностью за понимание.

— Мне пора, — сказала я, чувствуя, что задержалась слишком долго. — Не буду мешать вашему... разговору.

Я повернулась, чтобы уйти, и в этот момент из кармана, где лежала Карта, донеслась едва уловимая, но отчетливая вибрация. Тонкая, звенящая, как эхо серебряного звона. Я замерла. Это была не точка Фейры. Это была вторая точка. Точка Элис.

Я обернулась. Элис уже снова склонилась над ростком, ее пальцы снова замерли в воздухе. И серебряный росток, будто потянувшись за мной, едва заметно качнул своими лепестками в мою сторону.

Я быстро вышла из павильона, сердце бешено колотясь. Они не просто «ключи». Они были активны. Живы. И их связь с тем, что мы нашли на Карте, была глубже и тоньше, чем я могла предположить.

Тишина оранжереи вдруг показалась мне оглушительной. Полной невысказанных песен и неслышанных зовов.

Столовая «Изобилия» в обеденный час гудела, как гигантский улей. Воздух был густым от пара горячих блюд, запаха жареного мяса, свежего хлеба и сотен голосов, спорящих, смеющихся, жалующихся на учебу. Я сидела за нашим привычным столом в углу, ковыряя вилкой в тарелке с тушеной капустой. Еда казалась безвкусной, внимание всецело принадлежало Карте, спрятанной в складках мантии. Точка Фейры медленно, но верно ползла по невидимой траектории. Это было единственное, что удерживало меня от паники.

Тэсс сидела напротив, методично и быстро справляясь с порцией густого куриного рагу. Ее движения были точными, экономичными — отрезала кусок хлеба, макала, отправляла в рот, прожевывала. Ее темно-синие глаза, обычно такие цепкие и оценивающие, сейчас были рассеяно устремлены в пространство, будто она решала в уме сложную задачу. Она заметно похудела за последние дни, и тени под глазами стали глубже.

Рядом с нами, за соседним столом, разгорался спор. Два адепта с факультета Эфирных Искусств, их голоса звенели от возбуждения.

— ...говорил мастер Лиран, это прямое следствие возмущений после Трещины! Эфирные потоки сместились, вот древность и чахнет!

— Дурачьё! Какие потоки? Дуб просто старый! Тысячу лет рос, теперь и помирает. И все тут!

Они спорили о древнем дубе в академической роще. Тот самый дуб. У меня похолодело внутри. Я украдкой посмотрела на Тэсс.

Она не отрывалась от своей тарелки, но ее челюсть напряглась. Она положила ложку, аккуратно, точно по центру тарелки. Затем подняла голову и бросила в сторону спорщиков один, сокрушительный взгляд.

— Идиоты, — произнесла она тихо, но так, что ее слова, казалось, прорезали весь столовый гул.

Оба спорщика обернулись, нахмурившись.

— Что?

Тэсс вздохнула, словно устав от необходимости объяснять очевидное младенцам.

— Дубы не «болеют». Они или здоровы, или умирают. Если он чахнет — значит, гниет то, с чем его корни срослись. Или то, к чему они тянутся, уже мертво, — она сказала это абсолютно ровным, диагностирующим тоном, как констатацию факта. — Это не болезнь дерева. Это симптом болезни системы. А вы тут об эфирных потоках...

Она не закончила, лишь покачала головой с таким выражением глубочайшего профессионального презрения, что оба адепта покраснели и умолкли, отвернувшись к своим тарелкам.

Я замерла, вилка застыла в воздухе. Ее слова прозвучали в моей голове с леденящей ясностью. «То, к чему они тянутся, уже мертво». Третий разрыв. Третья связь — тела мира с его силой. Системный сбой. Она не знала Карты, не знала теории трех связей. Она просто смотрела на симптом и видела корень проблемы. Как настоящий знахарь.

Тэсс почувствовала мой взгляд. Она медленно перевела на меня свои синие, всевидящие глаза. В них не было обычной сухости. Была усталость. И глубокая, беспокойная озабоченность.

— Что? — спросила она, но не с вызовом. С ожиданием, будто надеялась, что я скажу что-то умное.

Я отложила вилку, облизала внезапно пересохшие губы.

— Ты... часто его проверяешь? Дуб?

— Каждый день, — коротко бросила она. — Показатели падают. Не линейно. Скачками. Как будто... — она замолчала, ища точное слово, — как будто его держат на каком-то жалком подобии жизни, а потом снова отпускают в пике. Это не естественно.

Она говорила о дереве как о пациенте в критическом состоянии. И для нее это, вероятно, так и было.

— И что можно сделать? — спросила я, боясь услышать ответ.

Тэсс пожала плечами, но жест был напряженным.

— Чтобы вылечить симптом, нужно найти причину. А причина... не в нем, — она посмотрела прямо на меня, и ее взгляд стал острым, пронзительным, будто она пыталась поставить диагноз уже мне. — Он — индикатор. Болит вся система, — она опустила взгляд на стол, указала пальцем вниз, будто протыкая столешницу. — Болит то, с чем его корни срослись. Земля. Сама Аркания.

От ее слов по спине пробежали ледяные мурашки. Она была так близка к истине, что это пугало. Она стояла на пороге того же открытия, что и мы, но шла к нему со своей стороны — через боль, через эмпатию к страдающему живому.

— И что... что с этим делать? — выдохнула я.

Тэсс нахмурилась, ее брови сошлись в жесткую, решительную линию.

— Диагностировать глубже. Взять пробы с глубины. Понять масштаб поражения. А потом... — она резко встала, отодвинув стул. — Потом искать лечение. Даже если для этого придется вскрывать гнойник размером с континент.

Она посмотрела на меня еще раз, и в ее глазах я увидела не девушку-адептку, а хирурга, готового к самой тяжелой операции.

— Если, конечно, кто-то даст на это разрешение, — добавила она с горькой усмешкой и, не дожидаясь ответа, понесла свой поднос к раздаче.

Я осталась сидеть одна, в оглушительном гуле столовой, с холодом в груди и жгучим пониманием в голове. Третий «ключ» не просто дремал. Он уже работал. Ставил диагноз. И готовился к лечению. Оставалось лишь найти того, кто смог бы стать для нее скальпелем и опорой. Того, кто был «Каменной Плотью».

Карта в моем кармане молчала. Точка Тэсс горела ровным, неугасимым синим светом. Светом непоколебимой решимости.

Ночь опустилась на Академию, черная и беззвездная, скрывшая даже контуры башен. Я не могла оставаться в своей комнате. Тишина там была громче любого шума, и в ней слишком явно звучало эхо сегодняшних слов — Элис, Тэсс, удаляющаяся точка на Карте.

Я прокралась в убежище, даже не надеясь застать там Дейгара. Но он был.

Он сидел за каменным столом, перед ним на грубом сукне лежала Карта Разлома. Кристалл светился в темноте мягким, внутренним сиянием, подсвечивая снизу его резкие черты. Он не медитировал. Он наблюдал. Его внимание было полностью поглощено медной точкой, которая теперь находилась гораздо дальше на север, почти у края нашей мысленной проекции Аркании.

Я тихо подошла, села на скамью напротив. Он не вздрогнул, лишь слегка повернул голову, дав понять, что заметил мое присутствие.

— Они сделали рывок, — сказал он тихо, не отрывая взгляда от кристалла. — Скорость возросла в десятки раз. Ровно с заходом луны.

Я присмотрелась. Точка действительно двигалась с невероятной, почти пугающей скоростью, оставляя за собой едва заметный светящийся шлейф.

— Пыль сработала, — прошептала я. И сердце упало. Это означало, что они использовали ее. Рискнули. Подставили себя под удар той безумной, ненасытной магии.

— Первый рывок пройден, — кивнул он. В его голосе не было радости. Было сухое, профессиональное удовлетворение от того, что часть плана сработала. — Теперь они где-то здесь, — он коснулся пальцем места на воображаемой карте чуть южнее Хребта Спящего Великана. — Если все прошло хорошо, они целы и уже готовят лагерь. Если нет... мы узнаем не скоро.

Мы сидели в тишине, уставившись на эту движущуюся искру — символ нашего общего риска, нашей надежды, нашей вины. Усталость тяжелыми гирями повисла на плечах. Прошел час, может, больше. Движение точки начало замедляться, ее свечение стало чуть ровнее, спокойнее, будто пульс засыпающего человека.

— Они остановились, — наконец сказал Дейгар. Он откинулся на спинку стула, провел рукой по лицу. И в этом жесте впервые за долгие дни я увидела не стратега, а изможденного человека, несущего неподъемную ношу.

Я не сдержалась. Я обошла стол и села рядом с ним на холодный каменный пол, прислонившись спиной к той же стене. Наши плечи почти соприкоснулись. Он не отодвинулся.

Тишина в подземелье была теперь не гнетущей, а объединяющей. Мы смотрели на успокоившуюся, замершую точку. Первый, самый опасный прыжок был сделан. Наши друзья были живы. Пока.

И в этой тишине, в этой совместной усталости, что-то сдвинулось. Стена настороженности, что всегда стояла между нами, даже после Контракта, даже после создания Карты, дала трещину. Мы были не просто союзниками по необходимости, связанными магией и общей тайной. Мы были двумя людьми, которые только что провели чудовищно тяжелый день, отправили друзей на смерть и теперь делили тихую вахту в ожидании вестей. Делили тяжесть.

Я почувствовала, как его напряжение понемногу уходит, сменяясь той же глухой, утомленной пустотой, что была и во мне. Он не сказал ни слова. Не было в этом нужды. Наша связь, та самая сеть, передавала сейчас не мысли, не тревогу. Она передавала простое, молчаливое присутствие. Знание, что ты в этой тьме не один.

Я медленно склонила голову. Она легла ему на плечо. Я ждала, что он отстранится. Он замер на секунду, затем его мышцы под моей щекой расслабились. Он позволил.

Так мы и просидели, плечом к плечу, в свете Карты, глядя на замершую точку наших друзей. Никаких слов. Никаких обещаний. Только усталость, тишина и хрупкое, новорожденное чувство, что какое бы ни было впереди — мы встретим его вместе.

ГЛАВА 12: ТЕНИ ПРОШЛОГО

Я пришла в убежище после скучнейшей лекции по истории магических кодексов, с головой, забитой датами и именами, которые не имели никакого отношения к разрывам в ткани мира. Я надеялась застать Дейгара за расчетами или, на худой конец, в его привычной мрачной сосредоточенности.

Но атмосфера в каменной комнате была иной. Воздух стоял тяжелый, неподвижный, будто выдохнутый и забытый здесь много часов назад. Свечи не горели. Единственный свет лился из светлякового камня, брошенного в угол, и он отбрасывал длинные, уродливые тени.

Дейгар сидел на полу, прислонившись к стене, в той же позе, в которой мы заснули прошлой ночью. Но сейчас он не спал. Он смотрел в пустоту перед собой, и его взгляд был пустым, остекленевшим, устремленным к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.